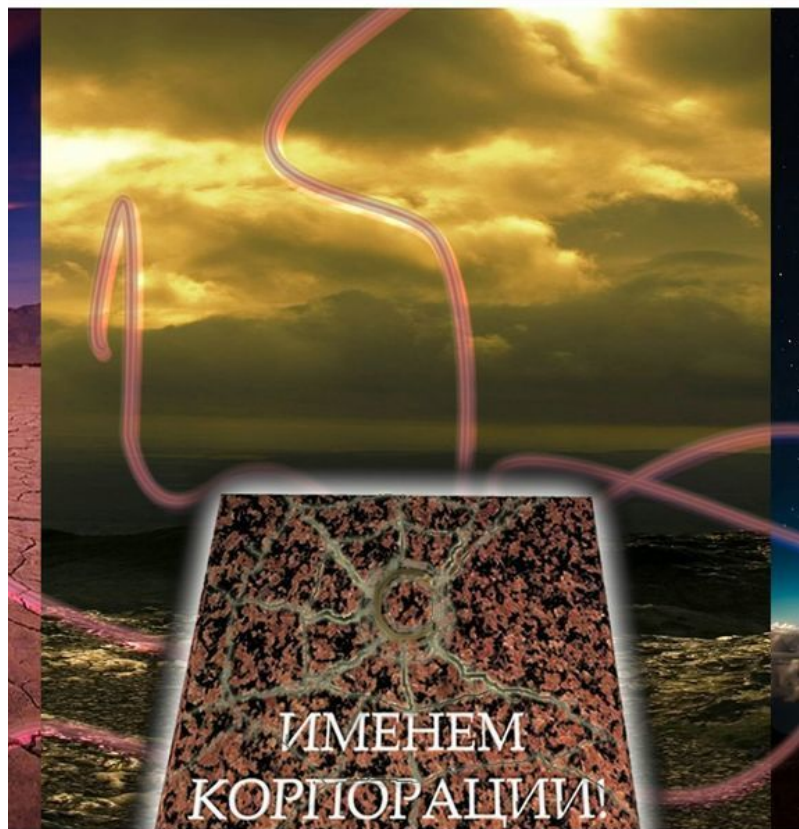

МАРК РОМАНОВ

ИМЕНЕМ
КОРПОРАЦИИ!

Марк Александрович Романов Именем Корпорации!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11831548

ISBN 978-5-4474-2370-4

Аннотация

В мире Корпорации, где пересекаются Линии и Параллели, есть всё. Даже бессмертие разума или тела – на выбор. Не хватает только тех, кто может быть Человеком...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	81
Глава 11	91
Глава 12	102
Глава 13	117
Глава 14	127
Глава 15	136
Глава 16	153
Глава 17	161
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Именем Корпорации! Марк Александрович Романов

© Марк Александрович Романов, 2015

© Сергей Валерьевич Зайцев, дизайн обложки, 2015

Редактор Лидия Григорьевна Евдокимова

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Одни уходят, а другие остаются на века
Кто я – беспечный ручеек или глубокая река?
Что через годы скажет сын, когда и сам уже седой?
Что будут помнить обо мне и кто последует за мной?
Дай Бог мне сил, чтобы достойно подойти к своей черте,
Ведь я не просто так солдат... Я – команданте Че.

Александр Ф. Скляр – Команданте Че

Глава 1

Это был его шанс. Первый, последний, единственный – об этом он не думал. Шанс заявить о себе, как о достойном уважения специалисте, новом человеке в городе, к которому можно и нужно обращаться по самым заковыристым и сложным делам, где требуется не только подход, но и смекалка.

Он не мог проиграть, просто не имел на это права. С самого детства, когда его ещё шпыняли сверстники, загоняя тщедушного мальчишку в щели между старыми мусорными контейнерами, он, утирая горькие слёзы и зализывая свежие побои, твёрдо знал одно: однажды они об этом пожалеют. Все, все, кто посмел бить его, издеваться над его старшей сестрой, страдающей слабоумием, но прекрасно справляющейся с отведённой ей ролью городской шлюхи. Он всегда знал о своём великом и исключительном праве однажды выбраться из этой вонючей дыры под названием город Дале.

Теперь пришло время послать к чертям всю вонь, грязь и мерзостную блевотину позорного существования на самом дне. Его не уважали? Что же, эти люди много потеряли, только ещё не поняли этого. Считали его, хитрого и умного Бо Ваняски, никчёмным куском дерьма? И в этом они просчитались. Завтра утром ни одна плешивая шавка не посмеет гавкнуть в его сторону, если он лично не разрешит ей этого.

И даже сам великий и ужасный дон Доу, чья власть в Дале

остаётся неоспоримой уже несколько десятков лет, признает его талант и смекалку.

От этих мыслей всё внутри Бо дрожало от нетерпения и предвкушения. Он то и дело погружался в круговорот сладостных картин грядущего, облизывая тонкие потрескавшиеся губы маленьким, почти детским, языком, обнажая мелкие жёлтые зубы.

– Как прошла смена?

Дежурный вопрос на проходной, если этот жалкий кусок коридора вообще можно было так назвать, заставил выйти из задумчивости. Невысокий, худощавый врач смерил дежурного взглядом и ответил:

– Здесь всё похоже каждый день. Смена сменяет предыдущую, переходя в следующую. Да, в данном случае тавтология вполне уместна.

Дежурный привычно кивнул, как всегда, не поняв ни единого слова этого скользкого и странного типа, занимавшего кабинет на минус первом этаже. Ниже был только морг и подвал, впрочем, одно мало отличалось от другого. Где-то лежали мёртвые тела, где-то стояли ряды с мёртвыми вещами.

– Доктор Гриффин, – обратился дежурный к собравшемуся уходить после долгой смены врачу, – здесь днём крутился какой-то подозрительный тип... вы просили сообщать, – вперил во врача взгляд блёклых серых глаз охранник. – Хо-

тите, чтобы я принял какие-то дополнительные меры?

– Меры-химеры, – улыбнулся доктор Гриффин какой-то жутковатой улыбкой. Охраннику показалось, что на него взглянула сама смерть, ради хохмы нацепив на себя маску мертвеца. Гриффин отрицательно покачал головой и, сунув руки в карманы широких штанов, пошёл прочь, насвистывая неприличную кабацкую песенку.

– Псих... – тихо буркнул ему вслед дежурный, зарываясь в свои бумаги и стараясь больше вообще не поднимать головы. Ему вдруг стало нестерпимо интересно и одновременно непередаваемо, до сжатия мошонки и позывов опорожниться, страшно, но страшно интересно узнать, чем же занимается доктор Гриффин, и не стоял ли он когда-то на учёте у психиатра или нарколога.

Дежурный огляделся. Видимая часть убогого коридора, как и холл за ним, судя по камерам слежения, были пусты и одиноки, как и здание целиком в этот поздний вечерний час.

Мистер Даниэл Хоккинс впервые за тридцать лет безупречной службы нарушил правила и полез в базу данных, узнавать информацию о загадочном и, на его взгляд, придурковатом докторе Гриффине.

В графе должности значился «специалист узкого профиля», а вот в графе специальности стоял прочерк.

Хоккинс проверил в перекрёстных базах, едва не отправив в порыве энтузиазма запрос в главное министерство охраны здоровья и медицины по округу, но в последний мо-

мент сообразил не делать таких очевидных ходов и не копать под Гриффина столь уж открыто.

Всё, что знал Хоккинс до этого, так это только то, что пациенты, приходившие к Гриффину, просто отмечались в журнале, предъявляли одноразовый пропуск в здание, который следовало заказывать заранее, и, приложив личную ключ-карту к сенсорному замку, исчезали на минус первом этаже, бросив через плечо короткое «к доктору Гриффину».

– Да и чёрт с тобой, психопат, – буркнул Хоккинс, закрывая файлы. – Меньше знаешь, дольше спишь. Или как там оно было...

Глава 2

«Мы не можем ждать бессмертия от природы, взять его у неё – наша задача».

И. В. Мичурин, 1934 г.

«Жизнь – наилучшая форма существования, если не считать остальных».

Сэр У. Л. С. Черчилль, герцог Мальборо, 1947 г.

«Мне жаль тех, кто гонится за бессмертием, забывая о том, что уже бессмертен. И вдвойне жаль тех, кто его всё-таки достигает».

Из выступления д-ра С. Спенсера, 2031 г., Параллель.

...Мы все бессмертны. Приходим в мир, сжигая в двух адски жарких кострах при входе воспоминания и знания. Как зачумлённую одежду, как заражённые оспой одеяла, как сброшенные осенью листья с деревьев нашего сада Вечности. Пытаемся начать всё с начала. Наступить на любимые грабли, заботливо подложенные Судьбой и жизнью, совершить в стотысячный раз свои коронные ошибки... Чтобы ещё раз, потирая ушибленные места, сказать: «Да, чёрт возьми, я знаю, что так – больно!», или использовать более крепкие выражения...

Наши тела, дьявол их побери, несовершенны.

Болеют. Начинают умирать, едва ожив. Туманят и без того ограниченный жёсткими рамками разум. Искажают восприятие и память. И, наконец, в самый ответственный момент, когда уже вот-вот достигнешь чего-то по-настоящему важного – бабах! Торжественный вынос тела (вперёд ногами), награды и флаг на подушечках, именная сабля в изголовье, залп из тридцати стволов императорских гвардейцев. Или – просто разверстая печь крематория, короткий пир тысячеградусного пламени, и пепел, ссыпанный в урну из мятого алюминия.

Наши тела, ангел их поцелуй, прекрасны. Они великолепны, совершенны, чарующи, и вызывают столько эмоций! Служат идеалом, возбуждают талант и способности, побуждают к свершениям и подвигам. Способствуют прогрессу и потреблению, рекламе и развитию индустрии красоты, спортивного инвентаря и товаров, кхм, интимного плана. А ещё – лекарств, косметики и наркотиков.

Кругом – сплошная выгода. Только для тел. Душе вход запрещён!

В зале слышится смех.

Мы все с вами – по-настоящему бессмертны. Но постоянно забываем про душу. Именно она – и есть мы. Красивые или уродливые (а, может быть, только считающие себя таковыми?). Умные и глупые. Хитрые и простодушные. Унылые и весёлые. Скучные

и фееричные. Добрые и...

Этот ряд можно длить бесконечно – как бесконечна жизнь, время и Вселенные. Каждое новое воплощение даровано нам, чтобы научиться чему-то новому, понять нечто непонятое ранее, осознать, как прекрасен мир, и созидать. Созидать, изменяя мир и себя в нём. Любить. Радоваться. Испытывать нежность...

Мы все бессмертны, люди! Но, боже, что мы делаем с нашей душой?

Заколачиваем в себе окна, ведущие к свету, или тьме, или к звёздам – по просьбе, приказу, или желанию общества, родственников, коллег, начальства... Тщательно конопатим по периметру, чтобы даже лучик, или чернилка, или шорох звёздной пыли не пробился внутрь. И, довольные, идём дальше по бесконечному замку себя, отыскивая незаткнутые отверстия, через которые видно... странное.

Вы пробовали когда-нибудь закрыть все, абсолютно все отверстия в собственном доме? Вентиляцию, водопроводные трубы, канализацию, все щели и щёлочки. А после – пожить в таком герметичном помещении?

Вижу, что таковых здесь нет. Точнее, и быть не может – как только закончится кислород, герметизировавшийся индивид сразу прекратит своё существование...

Возглас из зала: «Доктор, не сразу! Он ещё может помучиться».

Верно. Кто это сказал? Ага, вижу, джентльмен в лиловом платье с кружевами... Милая, вы правда хотите, чтобы я предлагал присутствующим метафоры максимально физиологичные и с медицинскими подробностями? Но тогда предложите продемонстрировать и голограммы с образами искажённых душ... Это ещё сильнее привлечёт внимание почтенной публики, и особо чувствительных отправит в поисках туалетных комнат. Вы действительно этого хотите?

Нет? Прекрасно. Фем-леди, спасибо.

Если прекратить всякий обмен информацией и энергией между душой и миром, мы получим мёртвое замкнутое пространство, в котором тихо идут процессы разложения и гниения трупа. Труп вашей души, отягощённого тщетным телом.

Я не призываю вас к анархии и революции, упаси Господь. Полная свобода так же вредна, как и полная герметичность и погружение в рамки, навязанные извне. Продолжая метафору, мы сносим все стены, потолок, пол и подвальный этаж подсознания со всеми плавающими там скелетами, крокодилами и комплексами. И остаёмся открыты всем ветрам и временам года – лету, зиме. Проливной дождь прекрасен, особенно – в летний зной, но вот осенью... Или весной – это уже не комфортно.

Мы все бессмертны. Просто не закрывайте окна

своей души, и не затворяйтесь в пределах своего тела, не замечая, что вас тянет наружу. Живите, как хочется. Как хочется вашей душе.

Аплодисменты, хохот и свист.

Выдержка из стенограммы выступления д-ра Спенсера 11 января 2031 года, исследовательский институт Интуит-Плаза, Параллель, третий радиус.

– Добрый день, Спенсер! – Кловис Инульгем ввалился в комнату, широко распахнув дверь, и от души поцеловал пискнувшую голограмму секретаря. – Я слышал, ты вчера роскошно выступил в этом бардачном замке, как его, Проститут-Глаза?

– Интуит, Кловис, Плаза... – доктор выключил секретаря, и развернул кресло к неожиданному визитёру. – Напомни мне в следующий раз запрограммировать контур охраны на отстрел тебя, твоих двойников и аватар.

– Хе, хе, хе, – разделяя слоги, издевательски произнёс Инульгем, падая в оранжевый шар гелевого кресла, и протягивая свои длинные ноги, обтянутые кожей щегольских ковбойских штанов, к иллюзорному камину. – Знаешь, друг, ты тут совсем раскис, я посмотрю... Что, укатали письку крутые сиськи? Или твой одинокий воин ещё стоит по утрам, озирая окрестности?

– Иди ты в... анус, – Спенсер сдвинул брови, и поправил сползшие манжеты. – Всё такой же озабоченный, как я вижу. И всё такой же одинокий, нет?

Теперь вспыхнул Кловис, пробурчав что-то себе в усы. Покрасневшие уши алели из-под надвинутого на лоб стетсона, словно фонари «весёлого квартала» Параллели 1860Г. О, а раздувавшиеся ноздри узкого носа ясно показывали, что доктор попал точно. Как из длинноствольной винтовки в монетку за триста шагов.

– Ладно, оставим дела наши скорбные в ведении богов и меньших их, – примирительно произнёс Спенсер, касаясь сенсора на кресле, и перемещаясь поближе к своему гостю. – Чего от меня нужно конторе на сей раз? Предупреждаю, я не скоро смогу действовать в полную, кхм, силу. По ряду обстоятельств, связанных с предыдущим заказом...

– Спенс, так ты ещё не...? – Кловис ещё сильнее надвинул шляпу на глаза, но потом щелчком подбил её вверх, и внимательно окинул своего собеседника цепким взглядом карих глаз. «Колени, таз, спина... М-да, неудачно я зашёл». – М-м-м, понимаю... Полковник передавал привет. И пожелания скорейшего...

– Передай полковнику, что я рад его словам, и не мучай себя. Я знаю, как плохо тебе даются слова сочувствия, друг, – доктор указал на свои ноги, и криво улыбнулся. – Я именно потому остановился в этой параллели, самой удаленной от Центра из доступных мне. Здесь хотя бы медицина эффективная. Нанотехнологии, парапластика, нейронная хирургия, протезирование... Ещё полгода, и встану на ноги.

– Выздоровливай, друг, – Инульгем ловким жестом выхва-

тил из-под полы своего кожаного пальто плоскую фляжку, и бросил её в доктора. Тот взял её из воздуха, словно она была неподвижна, и вопросительно посмотрел на Кловиса. – Чистый яд, сэр!

– А, эликсир доктора Бориса... – понимающе протянул Спенсер, отвинчивая колпачок и осторожно поводя ладонью над горлышком. – Да, это поможет.

Бултыхаясь в силовом геле кресла, Кловис помолчал, и осторожно спросил:

– Док, ты, случайно, не собрался тут осесть с концами? Лекции, выступления, публичная, мать-перемать, жизнь... Жениться не надумал ещё? Местные девчонки должны писаться кипятком от твоей привлекательности...

– Нет, мон ами, не собрался. Дождусь выздоровления, потом устрою несчастный случай при невыясненных обстоятельствах, и... Здравствуй, дорога! – Радостный тон доктора контрастировал с его практически неподвижным лицом, на котором, казалось, по-настоящему жили только глаза. Сейчас в них читалась чистая ярость. – Только бы дотянуть ещё до отправления...

– Дотянешь. Я видел достаточно, и, поверь моему длинному носу, ты – дотянешь... – Инульгем рывком поднялся из кресла, дождался, пока гель стечёт в пол, и вежливо поклонился хозяину. – Спенс, мы ждём тебя. Полковник ждёт. А он редко это себе позволяет – ждать людей...

«Зато он их позволяет жрать. В переносном, разумеется,

смысле. Выедать мозги тупой солдатской ремённой пряжкой... А ты стоишь по стойке „смирно“, и медленно подходишь к мысли, что обгадиться в кабинете руководства – это не такая уж и плохая идея. По крайней мере, говно можно будет смыть... потом. Потом и кровью, как говорится...» – Спенсер внимательно смотрел, как Кловис распахивает ногой дубовую дверь, и вываливается наружу, в холл, где его уже ожидают два охранника делового центра. Доктор прекрасно знал, что после часа или двух разбирательств его шутивого друга отпустят, просто чтобы он прекратил доводить окружающих своими идиотскими выходками...

Дверь со скрипом захлопнулась, дрожа. Автоматика пищала, жалуясь на виртуальные боли в фантомных цепях. За окном медленно снижался транспортный дек, готовясь к посадке в порту недалеко от города. Гул его двигателей напоминал Спенсеру о другом корабле, который сейчас стоял в заброшенном «стойле» орбитальных доков, терпеливо ожидая своего хозяина... А тот, затянутый делами и внезапно пошатнувшимся здоровьем, совсем забыл о верном «Ланцете». И о полётах.

«Мне так давно не снилась Бездна...» – доктор подъехал на кресле к панорамному окну, и приоткрыл створку. В лицо пахнуло свежим ветром, и запахами большого города – озоном, пылью, смогом и топливом. – «Да, чёрт возьми, засиделся. Надо бы побыстрее приводить душу в порядок, и валить отсюда. Пока не явился кто-нибудь посерьёзнее Кло-

виса...»

Сзади запиликал сигнал связи. Кому-то было жизненно необходимо поговорить с доктором философии С. Спенсером прямо сейчас, сию же секунду. А он, открыв фляжку, медленно глотал тягучий девяностоградусный настой Бориса, и радовался обжигающему кому, который проваливался вниз, по пищеводу. От каждого глотка этого пойла хотелось то ли сплясать качучу, то ли набить морду ближайшему полицейскому, то ли ограбить банк. Хотелось жить.

Душа проснулась.

Глава 3

Они вошли молча, слаженно и организованно, словно выполняли отработанную десятки раз схему поведения в подобных случаях. По застывшим лицам вошедших не было понятно ничего, но в глазах некоторых отражались настоящая боль и смятение.

– Наш командир... – откашлявшись, сказал тот, кто был главным в группе, указывая на свёрток из обгоревшей ткани, по которой расплзались бурые пятна крови. – Док, сделай всё, что можно, – тихо сказал старший, – очень прошу. Он не виноват, нас накрыли... – он осёкся, отошёл к дальней стене и замер с каменным выражением лица.

Гриффин кивком указал остальным на стол в другом углу комнаты.

– Туда его, сами вон отсюда, – деловым тоном приказал он военным.

– Но... – попытался возмутиться один из вошедших. Его товарищи мигом выволокли молодого и неопытного служаку, шикнув на него так, что Гриффин тут же вспомнил шипастых гадюк из восточного сектора.

– Так, что тут у нас...

Гриффин распылил на руки длинные перчатки толстой в пару микрон, которые не ощущались на коже, и осторожно попытался развернуть сплавленный свёрток с обго-

ревшим человеком внутри. Ребята из Корпуса постарались максимально бережно доставить своего командира до Дока, но по дороге неплохо растрясали его, так и не найдя носилок. Или же следуя принципу скрытности. Провезти в магнитобиле кровавый свёрток, при наличии должного допуска, всё же проще, чем обеспечивать полную транспортировку в должных условиях.

Раненый выглядел жутковато даже на взгляд доктора Гриффина. Прикипевшие к коже куски тяжёлой брони матово поблёскивали закопчёнными гранями сталепластика, волдыри и красные пятна крови из прорванных волдырей перемежались с вкраплениями остатков бронекостюма и поддетыми кусками нательного комбинезона под ней. Кое-где ткань лопнула и разошлась, а кое-где точно так же приварилась к кускам защитных пластин намертво.

– Люблю эту ткань, – флегматично протянул Гриффин, пододвигая столик с инструментами и запуская диагност автотелекаря над телом пациента, – она ни при каких условиях не приваривается к коже. Это уже хлеб, а если ты ещё и в сознание придёшь, то булка моя будет с маслом...

Гриффин начал быстро и аккуратно отделять куски пластинчатой брони от тела пострадавшего. В тех местах, где она приваривалась жёсткими краями к коже, Док проходил специальным раствором и безжалостно иссекал детали костюма вместе с лоскутами эпидермиса и дермы. Несколько минут работы убедили врача в том, что наибольшие по-

вреждения пациент получил на лице, руках и ногах, общая площадь ожогов и вплавлений балансировала на той самой неудобной грани, когда совершенно непонятно, останется ли человек в живых, или отдаст концы от ожогового шока и интоксикации организма.

Самым сложным для работы стало отделять одежду с задней поверхности тела. Оставив это занятие, Гриффин, как сумел, обработал имеющиеся раны спереди, распылил над пострадавшим септическую плёнку, которую и снял через полминуты вместе с крошечными частичками грязи, копоти и отмерших участков кожи.

Теперь командир отряда Корпуса выглядел немного лучше, хотя внешний вид стал, мягко говоря, непривлекательным.

– А здесь у нас что? – сощурился Гриффин, придвигая поближе аппарат диагноста и расправляя щиток над брюшной полостью лежащего без сознания военного. – Удар тупым предметом, ушиб селезёнки с разрывами, повреждение левой почки... – бормотал он себе под нос, пока его руки выполняли необходимые движения в процессе диагностики. – Да тебя, друг, толкнули ракетой в огонь, что ли? Вот тебе и дружба-служба. Кто тебя запихал в печку, ну-ка, скажи мне...

Изначально травму скрывали остатки защитного костюма и множественные ожоги, вспухающие волдырями с желтоватой жидкостью на теле.

Через несколько минут, обработав самые страшные ожоги регенерирующим раствором, Гриффин быстро проверил дверь, приложил ладонь к скрытому сканеру и активировал силовое поле в операционной.

Теперь он мог работать спокойно, пользуясь теми средствами, которые действительно могли помочь настолько сложному в спасении жизни пациенту.

Над раненым разлилось голубоватое стазис-поле, которое пропускало к телу очищенную кислородно-азотную смесь, с повышенным содержанием первого элемента с небольшой примесью озона, но погружало плоть в локальный временной карман. У Дока было не больше двух минут, чтобы заняться ранами и ожогами на задней поверхности тела незнакомого военного.

Лёгкие, почти неуловимые манипуляции пальцами над сенсорами приборов, и тело поднялось вверх, перевернулось в гравиполе и предстало перед Гриффином в удобной для работы позе, подставив задницу и спину.

– Вот это да... – почти восхищённо произнёс Док, увидев поражения тела. Спина командира была иссечена осколками, следами от плазменных зарядов и порезами неизвестного генеза, что навело Дока на мысль о том, что этот человек довольно долгое время прикрывал кого-то собой, за что потом получил в благодарность хороший пинок обратно в огненную геенну.

– Отличная благодарность, надо запомнить, – сдвинув

брови, произнёс Гриффин, приступая к работе. Время в ста-
зисе ограничивалось парой минут, но рециркулятор времен-
ных потоков каждый раз мог сбрасывать счётчик до нуля, на-
чиная отсчёт заново. Рециркуляция касалась исключительно
стазис-поля, не затрагивая проведённую работу над матери-
алом.

И если бы хоть кто-то за дверью донёс на Гриффина и его
особые приборы, Дока не спас бы никакой особый статус чу-
до-лекаря этого замшелого городишки.

Гриффин вышел к ожидающим его людям через час. Все
вскочили с мест, на которых сидели в ожидании, и выстрои-
лись, будто на плацу, перед хмурым усталым врачом, покру-
чивающим в длинных тонких пальцах сигарету. Временно
исполняющий обязанности командира, высокий плечистый
парень, что заговорил с Гриффиним, доставив старшего сю-
да, шагнул вперёд и щёлкнул зажигалкой, предлагая прику-
рить. Гриффин отрешённо уставился на огонёк, затем молча
кивнул и, взяв в зубы сигарету, прикурил, глубоко затянув-
шись табаком, словно желая надышаться им до отказа.

Парень смотрел на Дока с затаённой надеждой и страхом.
Гриффин отрицательно покачал головой, не говоря ни слова.
Парень понял его и медленно кивнул, смиряясь с потерей.

– Он что-то говорил? – подал голос тот самый паренёк,
что пытался возражать в приёмной Гриффина по поводу их
присутствия при операции.

Док пристально и долго смотрел в лицо парня, стараясь отыскать в нём хотя бы намёк на что-то своё, мучавшее врача все это время. Затем он пожал плечами и хриплым голосом произнёс:

– Обычный бред умирающего.

Лица собравшихся солдат нахмурились. Было ясно – ещё слово в том же тоне и их прорвёт на выплеск скопившегося напряжения, с которым выйдет и боль утраты.

– Я не бог, – примирительно сказал Гриффин, пожав плечами, – по крайней мере, сегодня.

– Мы можем забрать тело сейчас? – снова спросил первый солдат. Док отрицательно покачал головой.

– Я не успел его подготовить. Не потащите же вы его обратно в лоскутах брезента.

По лицам стоящих перед ним людей прокатилась судорога воспоминаний, исказив черты.

– Я зайду завтра, как полагается, официально, – сказал командир отряда, взглянув на Гриффина ледяными синими глазами, – меня зовут капрал Мак Лиф, я прибуду с кортежем для транспортировки тела. Все, ребята, здесь нам делать нечего, – повернувшись к своим, теперь уже, людям, отчеканил он, выходя прочь через неприметную дверь в дальнем конце плохо освещённого коридора.

Гриффин неспешно докурил сигарету, бросил окурочек в урну, и исчез за дверью.

В голове ещё отдавались гулким эхом слова умирающего

командира пехотинцев Корпуса:

– Они сверху, на нас, мы не ожидали... потом тяжёлое вооружение... мы же разведка, я один в броне, задание плёвое, каждый день патрулировали зону... небо в огне, всё небо горит, сверху падает огонь, ты сам стал огнём...

Гриффин прошёл до стола, на котором оперировал майора Вандершанца, старшего уполномоченного второго разведывательно-патрульного отряда пехоты в зоне конфликта с местными повстанцами. После окончания операции, когда Гриффин уже понял, что ему не вытянуть майора, он вколол ему лошадиную дозу наркотического обезболивающего, вложив в привычную формулу несколько компонентов от себя, что придало сонному раствору действие стимулирующего коктейля.

Почему-то Гриффину показалось неправильным позволить майору отойти в лучший мир молча. Док подумал, что этому человеку хотелось бы напоследок сказать пару слов.

И майор заговорил, начав с того, что назвал своё имя и звание.

– Не было, ничего не было, просто пустота... а затем гул, нарастающий, рвущий барабанные перепонки, сводящий с ума. Я понял, понял, чего они хотят, но надо было прикрыть своих. Я один в броне, задание плёвое, но с неба падал огонь, падал огонь... и он, самый молодой, он шёл последним, упал, не поднялся бы в сплошной стене огня...

Голос майора Вандершанца становился тише и тише, ав-

толекарь тонко запищал, сигнализируя о критическом состоянии подопечного.

– Я его поднял, вытолкнул из зоны огня, сам не успел, накрыл высадившийся десант. Меня видно, меня всем приборам в этой банке было видно. Пусть на меня смотрят, ребята же совсем голые...

Гриффин отключил звуковой сигнал автолекаря, сел рядом и сложил руки на коленях. За свою долгую практику он слышал и слушал слишком много, чтобы уклоняться от роли священника, перед которым исповедовались умирающие.

Теперь, после рассказа майора, Доку стало ясно, откуда у него сеченые и рваные раны спины и задней поверхности бёдер.

– Я же вперёд ушёл, сам ушёл, в броне был... остальные позади держались, рассредоточились, они все в лёгких банках, куда им вперёд. Учебный корпус, мать его в душу, дали на обкатку, а тут вот так вышло...

Гриффин слушал майора всего несколько минут, но они показались ему целой жизнью. Он уже тогда знал, что не скажет об этом ни единому человеку, стоявшему за его дверью и ожидающему окончательного вердикта Дока.

Как не скажет о противном сигнале автолекаря, прорезавшего тишину, когда сердце майора остановилось, не скажет о том, чьё имя он назвал, когда говорил о предателе, оставившем его в огне, и не скажет о том, как Вандершанц вернулся из мёртвых, едва уловимым сигналом оповестив Дока о на-

личие пульса и дыхания после почти шести минут смерти по показаниям приборов.

Когда Гриффин вернулся в операционную и взглянул в обгоревшее лицо майора, он явственно увидел улыбку на растрескавшихся губах Вандершанца.

Теперь дело оставалось за малым – смастерить правдоподобную куклу для завтрашнего гостя Мак Лифа...

Глава 4

Внутри стен, выглядевших старыми, облупленными и выщербленными, скрывалось оборудование из какой-то очень далёкой Параллели. Помещение могло почти мгновенно преобразаться, отращивая и изменяя предметы обстановки под новую задачу. Сам доктор видел с десятков вариантов, и ещё сотня была описана в толстом дневнике, всегда лежавшем на столике у входа. Ни дневник, ни столик не менялись никогда.

Сегодня они квартировали в старом заброшенном складе. Это было намного лучше, чем футуристическая автоматизированная прозекторская, как-то расчленившая уснувшего на столе кибера, или детский садик ядовито-лиловых тонов с инфракрасной подсветкой по периметру и шипастыми стульями, снабжёнными отверстиями для хвостов... Про кухню он вспоминал с содроганием, и старался избегать Стальной Щели в эти периоды. По счастью, редкие.

Спенсер осторожно погладил стену, восхищаясь инженерной мыслью вероятного будущего, и обернулся к спальным мешкам и оборудованию, сваленному в кучу посередине большого гулкого зала. Ионеску и Патчесс, ворча, возились у проржавевших кранов, пытаясь выдавить из системы немного воды для котелка. Брякало железо, скрипела кожа костюмов, Ионеску сорвал ноготь, и шипел всякий раз, за-

девая заусенец на кране. В неплотно прикрытую дверь, при-
творявшуюся сегодня металлической, дул холодный ветер с
мятным привкусом и запахами палой листвы, и ржавого же-
леза. Параллель снаружи была негостеприимной, и посеща-
лась очень редко. Сюда направлялись беглецы от закона, ред-
кие по меркам Линии искатели «свободы от», и религиозные
фанатики всех мастей и расцветок.

Агент задумался, механически открыв дневник в потёр-
той кожаной обложке, и просматривая последние записи.
Они появлялись в разбухшей от влаги и осевшей пыли кни-
ге произвольно, вне желания или нежелания посетителей
убежища. Но Спенсер знал, как обмануть систему, а боль-
шая часть невольных гостей – нет. Последние строки были
неровными и рваными, словно записки сумасшедшего или
неразумного ребёнка. Прочсть их не получалось.

«Интересно, почему всех так тянет в эту могилу? Здесь
даже воздух мёртвый и затхлый. А уж эта мята...» – он по-
морщился, подавляя желание сплюнуть. Из-за этого места
он бросил употреблять чай и настои с мятной отдушкой, и
возненавидел пастилки для свежести дыхания. – «Всё рав-
но дальше убежища – не убежать. Тут есть вода, и, в некото-
рых фазах – пища. Невкусная, отвратительная... Но выжить
можно. Вопрос только – зачем?»

Из этой Параллели не было других выходов, кроме вход-
ного круга в центре Свалки. Исследователи, которым было
решительно нечем заняться, углублялись в пространство на

сотни и тысячи километров, но кучи мусора продолжали тянуться и там. Громоздясь выше и выше, опадая распадками и ущельями, или рассыпаясь бесконечными равнинами давно сгнивших останков неизвестной цивилизации. Люди – упорные существа, но даже у них есть предел. Когда стало ясно, что Свалка не может служить ни источником полезных ископаемых, ни, как бы странно не звучало, местом для захоронения отходов опасных производств, посещения этой Параллели запретили, но круг закрывать не стали...

«Всегда найдутся те, кто нарушит запрет, и рванётся в переход, надеясь на лучшую долю. Или на добычу. Или...» – он прервал размышления, и прижался к стене, достав из ножен на предплечье тонкое лезвие. На гранях стилета застыла тёмная плёнка паралитического яда.

Беглец всё-таки вернулся к убежищу. Просидев на Свалке неделю или две, он истощил свои запасы. Зная, что власти Параллели-1970 и Линии не простят ему множественные убийства на религиозной почве, Дон Джонс мог надеяться только на охотников, идущих по его следу. «Последний Ангел», как он себя называл, был вполне способен убить, освежевать и съесть своих преследователей. «Тридцать лет, вес двести метрических фунтов, третий ранг самбо-до, владеет огнестрельным оружием на уровне рейнджера Линии», – ориентировка прокрутилась в голове сама. Выделились ещё слова: – «Наркоман с семилетним стажем, эндорфинозависимый, неизлечим. В состоянии синдрома отмены особо опа-

сен. Подлежит уничтожению».

Дверь скользнула на роликах в сторону. Поток ветра усилился, и внутрь на полусогнутых ногах медленно вошёл мужчина в оборванном и вытертом комбинезоне. Коричневая ткань, покрытая потёками и пятнами, плотно обтягивала широкую спину подозреваемого. Спенсер наметил точку укола, и напрягся...

Ангел поднял руку, сжимавшую сморщенную сферу, и, почти беззвучно рыча, сжал её по направлению к склонившимся над спиртовкой помощникам доктора. Федеральные агенты, сосватанные Спенсеру разведкой Линии, рассыпались серым пеплом вместе с частью вещей и запасов. Доктор слегка подправил траекторию движения стилета, чтобы не перерезать яремную вену, и глубоко царапнул шею и горло преступника. Осторожно подхватив бьющееся в мелких судорогах тело, Спенсер опустил его на пол, вынув из расслабившейся влажной ладони страшное чуждое оружие.

Бросив взгляд на прах, медленно оседающий в воздухе, он с трудом подавил желание ударить стилетом прямо в затылочную ямку Ангела. «Федералы будут безумно счастливы казнить мистера Джонса максимально болезненным способом. Убийство гражданских и каннибализм они бы, может, и простили... Но двух своих агентов, расплётённых в затхлом воздухе... Сомневаюсь», – Спенсер упаковал тело для переноски, зафиксировав конечности и надел на пациента памперс для взрослых – «Идти далеко, поперечнополосатая му-

скулатура работает плохо, сфинктеры не держат... Так, порядок».

Отобрав из кучи бесполезных вещей флягу с настоящей водой, пару рационов и спальный мешок, доктор положил их в мятый рюкзак вместе с загадочным излучателем-сферой, и забросил шмотник на спину. Сверху он взвалил на плечи безвольно подергивавшегося Дона, и пару раз подпрыгнул. Тело на загровке смачно испустило газы.

– С-скотина! – с чувством прошипел сквозь зубы Спенсер, и бросил в направлении разгромленного бивака короткий цилиндрок пиропатрона. Когда он прикрывал дверь, за ней тихо бумкнуло, и металл на мгновение стал обжигающе горячим.

«Ну, вот и всё», – подумал доктор, вспоминая лица агентов Патчесса и Ионеску, и мысленно попросил у них прощения. – «Если бы я... Хотя, нет. Простите, ребята. Надеюсь, следующая реальность будет к вам благосклонней».

До круга оставалось пять миль и несколько часов.

Глава 5

Системы безопасности верещали во всю мощь искусственных голосов, перемигиваясь лампочками предупреждения и изыскивая самые мерзейшие звуковые частоты.

– Критическая потеря высоты, критическая потеря высоты. Аэрбот приближается к поверхности со скоростью...

– База контроля атакована. Передаётся сигнал о помощи, координаты секторного обстрела...

– Система контроля полёта повреждена, исправление системы в текущих условиях невозможно.

– Критическая потеря высоты...

Вокруг крутились картинки, тоннельное зрение мешало осознанию себя в трёхмерном пространстве, мозг отказывался анализировать сложившуюся ситуацию. Где-то совсем уж глубоко тоненько завывал инстинкт самосохранения, но его писклявый голосок едва слышался под гнётом бетонной плиты безразличия к происходящему.

Тонкое углепластовое покрытие палубы аэрбота дрожало и скрипело под ногами, грозя в любую минуту провалиться ко всем чертям вниз, увлекая за собой шатающегося мужчину в рваной одежде, медленно пробирающегося к пультам управления.

Когда он только пришёл в себя, ситуация ещё не была настолько критической, и он рискнул предположить, что дотя-

нет до населённого пункта, не предпринимая никаких активных действий. Но риск не оправдался. Едва единственный пассажир смог кое-как разлепить веки, как по корпусу аэрбота прошла волна, сотрясающая все перегородки и листы внешней обшивки. Силовое поле истаяло за секунды, обнажая корпус машины, несущейся вниз с крейсерской скоростью курьерского корабля.

Устоявшееся среди опытных пилотов выражение о крейсерской скорости курьерского корабля вяло позабавило очнувшегося под хреновой тучей раскуроченных приборов человека. Он с усилием выполз из пластиковых осколков и треснувших корпусов панелей, раздвигая насыпавшиеся сверху тяжёлые приборы. Если он правильно помнил, удар принял на себя ящик с запасным оборудованием, стоящий рядом с ним, когда аэрбот трянуло звуковой волной, и заряд из плазменника конвоира ушёл в сторону и выше.

– Ебать мой острый скальпель, – цепляясь за рваные края приборных панелей, прохрипел Гриффин, – никогда больше не выберу эту авиакомпанию...

Какофония звуков и красочное перемигивание заставляло шуриться и прикрывать лицо ладонями в первые несколько секунд после пробуждения из ниоткуда. Зрительная панорама медленно, с подрагиванием и адскими головными болями, разворачивалась из узкой щёлочки прямого зрения в объёмную картину происходящего. Гриффин держался на одной силе воли, предоставляя кому-то там выше следить за

показаниями процессов своей жизнедеятельности.

Выбравшись из кучи обломков, он тут же наткнулся на тело мёртвого солдата, открывшего по нему огонь перед началом всей этой кутерьмы. Лейтенант в голубой форме спецотдела по транспортировке особо важных персон валялся на полу, раскинув в стороны руки, в одной из которых до сих пор был зажат табельный плазменный пистолет. Подумав немного, Гриффин отказался от идеи забрать себе оружие лейтенанта. Беглый осмотр убедил Дока, что последний офицер Службы Корпуса мёртв. Широко распахнутые глаза мертвеца, смотрящие вверх, оставались по-детски удивлёнными и непонимающими. Большая бурая лужа крови из расколотого черепа уже начала подсыхать по краям, застывая неровным пятном посреди гладкой поверхности пола.

Гриффин проследил траекторию падения и понял, что в момент атаки звуковой волной лейтенант стоял как раз так, чтобы она толкнула его в грудь, заставив всплеснуть руками, что и спасло жизнь Доку, когда выстрел из плазменника ушёл чуть выше и в бок. Сам же лейтенант, получив прямой удар по рёбрам, не удержался на ногах и опрокинулся назад, с высоты своего роста ударившись затылком об прочный край выступающей ремонтной машины, стоящей в грузовом отсеке аэрбота. Добило офицера падение на углепластовое покрытие палубы лёгкой машинки для дальних и средних полётов в атмосфере.

«Извлечение моих внутренних органов на благо государ-

ства откладывается на неопределённый срок», – подумал доктор Гриффин, цепляясь руками за ремонтную машину.

Аэрбот особенно сильно трянуло, и на грузовой палубе погасло освещение. Гриффин подождал несколько секунд, ожидая включения аварийного генератора, пока не убедился, что до этого времени именно он и работал на всех уровнях аэрбота.

– Темно, как в жопе, – буркнул он, цепляясь разбитыми руками за предметы рядом, – и я, как говно, выбираюсь прочь из этой кишки. Ну просто феерия анального криптоанализа.

В кабине пилотов свет был. Как и звуки систем безопасности, взрезавшие свербящий и ушибленный мозг доктора Гриффина своими безликими голосами, предупреждающими о неизбежном и скором падении на полной скорости.

Шатаясь и дрожа, Гриффин добрёл до кресла капитана, сел, старательно нашаривая под сидением крепёжные ремни. Руки двигались кое-как, словно чужие. Пальцы заплетались, промахиваясь мимо нужных креплений и застёжек, но Док не сдавался. Он вообще никогда не сдавался, но частенько отступал прочь. Менял дислокацию, как он говорил про себя.

Если невозможно было просто уйти от конфликта или из беспокоящей ситуации, Гриффин сталкивал лбами конкурирующие группировки или людей, чтобы успеть смотаться в тень без лишних потерь.

Но сдаваться, опуская руки, принимая обстоятельства в единственно верном варианте, он не умел. Даже смерти своих пациентов он констатировал исключительно после личной проверки жизнедеятельности, пусть даже она была совершенно бесполезна после снятия показаний приборов.

Наконец, крепёжная упряжь капитанского кресла смачно щёлкнула последним механизмом, и мягкое анатомическое кресло плавно просело, оповещая о готовности к работе.

Встроенный блок питания как раз на такие вот нестандартные случаи отсекли повреждения главной системы безопасности, включая собственные блоки питания. Гриффин нащупал кнопку эвакуации и с усилием вдавил её до щелчка.

В тот же момент питание вырубилось окончательно. За стёклами кабины молча проносились видения приближающейся земли, к которой стремился аэрбот со своим единственным пассажиром.

– Время смерти ноль часов, ноль минут... – прошептал Гриффин, слабо улыбаясь.

Кратковременная агония генераторного отсека выплюнула последний конвульсивный импульс энергии, и капитанское кресло провалилось через разъехавшиеся пластины пола в эвакуационную шахту.

– То есть, как потеряли?! – вопил полковник на вытянувшихся перед ним подчинённых. – Как, мать вашу, вы его потеряли?! Я, блядь, вас спрашиваю, обсосы вы офицерские!

Как можно потерять целый огромный аэрбот с системой слежения и экипажем? Ну, чего заткнулись, материал генетический?

Стоящие перед полковником офицеры из группы слежения не изменили застывших масок отчуждения на лицах, не смея проронить ни слова перед раскрасневшимся начальством, пидорасящим их в хвост и в гриву за проваленную операцию доставки.

– Какого икса через игрек вы не послали за транспортом группу поддержки? Где ваши хвалёные лётчики-истребители? Где эта ваша рукожопая пехота? Опять в местных борделях девок тискают всем корпусом? Чего заткнулись, унитазы полевые?

– Полковник, полегче, – раздался спокойный голос от двери в комнату совещаний, – ваши люди не виноваты. Это я отдал приказ отменить сопровождение, как и снять с борта весь экипаж, кроме капитана и конвоира.

Полковник Давлатов перевёл налитые кровью глаза на фигуру, возникшую в дверях кабинета.

– Ты ещё кто, мать твою, такой? – едва сдерживаясь, чтобы не пристрелить наглеца, пробасил он.

– Аэрбот был атакован пучками импульсов и добит звуковой волной из дальнобойной пушки с северного мыса Вакамерсти. У экипажа просто не было шансов уйти от атаки, – примирительно продолжил гость, медленно приближаясь к Давлатову. – Я постарался свести жертвы к минимуму

при неизбежности их наличия. Пожалуйста, отпустите своих офицеров, нам надо поговорить.

Полковник пристально разглядывал вошедшего. Невысокий, щуплый, средних лет мужчина в тёмно-сером костюме смотрел на Давлатова с отрешённой вежливой улыбкой, не сулящей, впрочем, ничего хорошего. Бесцветные глаза и аккуратно уложенные светлые волосы подчёркивали железобетонную уверенность в своих правах вот так вот запросто входить в кабинеты, где происходит показательная порка фаллическими знаками отличия личного состава высшего уровня Корпуса.

– Я вас очень прошу, – добавил гость с нажимом, нависая над сидящим за столом Давлатовым. Полковник скрипнул зубами, но приказал своим людям:

– Все свободны, отчёты на стол лично мне.

– Вот и хорошо, полковник, – медленно передёрнул плечами гость в сером, едва двери кабинета Давлатова мягко закрылись за последним офицером. – Меня зовут мистер Вуниш, я представляю службу контроля Корпуса. И теперь делом о докторе Гриффине будет заниматься мой отдел, и я лично.

Давлатов наградил Вуниша таким взглядом, что едва не прожёт его насквозь.

– Кто дал вам право изымать дело особой важности у меня из-под носа? – отчеканил полковник, поднимаясь из-за стола и расправляя широченные плечи. Давлатов был выше

Вуниша на целую голову, комплекцией напоминал медведя и смотрел на нежданного помощника с выражением плохо контролируемого бешенства на лице.

– Это дело связано с религиозной целостностью вверенного мне сектора в частности, и государственной безопасностью в целом, и мне не требуется никаких разрешений, господин полковник, – с металлом в голосе сказал Вуниш, сохраняя на губах всю ту же издевательскую улыбочку. – Вы же не хотите оказаться на месте ваших людей? Послушать, к примеру, кто вы такой в фекальных делах ваших собратьев по оружию? Или оказаться рядом с ними, плечом к плечу, в звании старшего лейтенанта? Скажем, под командованием того самого офицера, которого вы сегодня так витиевато и долго распекали здесь в кабинете?

– Ты мне ещё угрожать будешь? – прорычал Давлатов, судорожно сжимая пудовые кулаки.

– Даже в мыслях не было, – серьёзно отозвался Вуниш. – Всего лишь честно обрисовал вероятное будущее. Вероятностей же так много, а параллелей так мало.

Полковник Давлатов сдулся и сник на глазах, заслышав кодовую фразу, мигом объяснившую и вседозволенность Вуниша, и его спокойствие перед грозным полковником.

– Я рад, что вы поняли, с кем имеете дело, – заметив реакцию Давлатова, произнёс его гость. – А теперь, если вы не против, я бы хотел ознакомиться со всеми материалами, которые у вас есть на искомый объект.

Полковник Давлатов со стеклянными глазами сдержанно кивнул, приступая к формированию папки со всеми данными, которые запросил Вуниш.

Ненастоящий человек с ненастоящим именем в ненастоящем костюме только что мягко промазал антисептическим вазелином задницу Давлатова и дружелюбно нагнул его над собственным же столом, и полковник только сейчас оценил жест доброй воли и своеобразное уважение к своей персоне. Вунишу ничего не стоило сделать всё это прямо перед личным составом офицеров, которых он попросил выйти из кабинета.

Глава 6

Право на одиночество является одним из исторически неотъемлемых прав всех жителей Соединённых Атлантических штатов, и наше правительство приложит все усилия, чтобы поддержать его безмерно. Даже если это приведёт к нарушению всех остальных, менее значимых прав.
Дж. Дж. Картер-Лавуазье, 21-й потомственный Президент США, Параллель-С1618, локальный год 1964.

Кто из нас менее одинок, нежели человек, затерянный в толпе ему подобных? Чьи руки трепещут в ожидании прикосновений, но никогда не получают их? Кому можно доверить свой драгоценный светоч разума, как пресловутый факел, с коим Диоген разгуливал по улицам, пытаясь найти человека счастливого?
Эммануэль Кантэ, мать троих детей, 1818 год, Кеннигтайн, Параллель-Ф1800

Сегодня я бы хотел поговорить с вами об одиночестве. не о том слабом его подобии, которому мы подвергаемся долгими зимними вечерами в натопленном доме у озера, куда мы выехали отдохнуть от городской суеты. Не об ощущении себя в темноте и холоде заброшенного барака на окраине рабочего

посёлка Третьего Кольца. И не о понимании, что в этом мире очень мало людей, способных понять нас хоть как-то...

Всё это – тоже одиночество.

Но настоящее одиночество начинается с понимания, что тебя никто не ждёт.

Бедный рабочий, тратящий дневной заработок на бутылку дешёвого пойла в забегаловке Нижнего города, успешный – внешне, лишь внешне! – служащий одной из крупных конгрегаций, спускающий последние дукаты в сомнительном заведении «Танцующие Ивы», что на пересечении Тридцатой и Лоуренс-авеню, и глава Службы Надзора, ночи напролёт проводящий с дымящимся кувшином грога на столе и пистолетом у виска... Все они одиноки.

Я хотел бы верить, что вас никогда не коснётся эта проклятая печать, друзья мои! Ведь нет ничего отвратительнее, чем полное, постылое, гнусное и унылое одиночество. В окружении верных друзей, повторяющих заезженные слова, старых книг, медленно обращающихся в труху усилиями книгожорки, коллекции вин, ставших уксусом от веяния всемогущего времени...

Именно тогда человек по-настоящему понимает, что он – не центр Вселенной, отнюдь. Скорее, песчинка в её отлаженном механизме, вращающаяся в лабиринте шестерён жизней, и выталкиваемая центробежными силами в пустоту и тьму.

Вы когда-нибудь это ощущали?
Хоть кто-нибудь?

Вижу, что – может быть. Но не задумывались о том, сбегая в паутину повседневных дел и рутинных действий.

Тут сложно удержаться – у этого берега Вечности, простите за каламбур, очень скользкие склоны.

Но всё же.

Представим на секунду, что мы смогли преодолеть страх перед бездной, всматривающейся в нас, и сами взглянули в неё. Что можно рассмотреть в её чреве? Благо...

Одиночество – это и величайшее благо на свете. Когда ещё мы можем остаться сами собой, поделиться с нами же затаённым и спрятанным в глубине души? Когда ещё можно не скрывать чувств, не стесняться слёз, не требовать от мира благосклонности?

Президент Картер был прав в своей инаугурационной речи, ставя эту свободу выше всех прочих. Но он забывал, что её крайне сложно достичь, и ещё сложнее удержать... Видимо, потому и закончил свои дни в одиночной камере Бостонского Мемориала Президентов, в фамильной усыпальнице.

Одиночество – это и зло, и благо. И награда, и наказание. И счастье, и тяжелейшее испытание.

Не дай вам Всевышний насладиться им сполна. Кто знает, что расскажет вам Бездна?

Из лекции д-ра философии Спенсера в Центре Дариана Кеннеди, посвящённой трёхсотлетию психологии.

Спенсер откашлялся, и сплюнул в тяжёлые свинцовые воды Потомака. Плевок летел медленно, пружиня о воздушные течения, обтекавшие быки Моста Линкольна, вознёсшегося на трехсотфуттовую высоту. Наконец острое зрение доктора зафиксировало соприкосновение комочка слюны, успевшего замёрзнуть во время полёта, и тонкой ледяной корки, сковавшей реку прошлой ночью. Хотелось курить, но огонёк сигареты выдал бы его с головой – в полуночной тьме, разгоняемой только редкими фонарями на опорах моста, ярко-алая трепещущая точка наблюдалась с нескольких миль.

Машины, которую он ждал, вжавшись в промёрзший закуток технологической ниши, всё не было. Чёрный «континент» с номерами Северной Преории и двумя белыми полосами по бокам задерживался, срывая график операции. «Ещё полчаса, и можно смело бросаться головой вниз, прямо в этой вонючий Потомак, чтоб его крокодилы загадили... – осторожно прогревая заледеневшие пальцы, доктор поменял нагревательные элементы в одежде, и с наслаждением укутался в потеплевшую ткань. – Машины нет, связи нет, оптика у полицейских такая, что волосы на комариных тестикулах посчитать можно... Слава богам и демонам этого мира, что здесь не додумались до тепловизора! А уж плаз-

менное оружие и силовые поля аборигенам не видать никогда. Они даже в космос не выберутся. Не успеют».

Спасаясь от холода, доктор перебирал в памяти события последних месяцев, и тихонько вздыхал. Группа Полковника с момента прихода туда Спенсера в очередной раз изменила стратегию и тактику работы. Такие смены направления развития случались, если верить записям, каждые несколько лет. С чем они связывались, увы, низовому персоналу не докладывали. Приходилось мириться, перекраивать отработанные схемы, терять ценнейших агентов, выслушивать очередную «оценку лояльности» из уст Полковника или его зама, и молчать. А ещё – думать, анализировать, сопоставлять. И запоминать.

У въезда на мост послышался звук громко тарахтящего двигателя. Здесь применяли странную схему ДВС, работающего на спиртово-масляной смеси. Экологично, дёшево, но очень громко и слишком маломощно. Машины напоминали плод кровосмесительной фантазии дизайнера первых танков и кубиста-мазохиста: огромные, квадратные, с шинами низкого давления. Ни одной изогнутой линии, но зато обилие хрома, никелировки и бронзовых украшений, придававших автомобилям сходство с каретами времён Ренессанса.

Почти невидимый в темноте «континент», скрипя рессорами и чихая мотором, выполз из-за опоры спустя долгую минуту. Получил в двигатель три «гремлина» с наведением на тепло, чихнул, дёрнулся и затих. Водитель тщетно терзал

ключ зажигания в попытке оживить омертвевший двигатель, но тот отзывался только унылым скрежетом вставшего в распор железа валов и шестерней.

Доктор задействовал вторую тройку микроракет, пронзивших сталь и дерево салона. Внутри немедленно закрутился туман наркотической взвеси, погружавшей человека в глубокий сон без сновидений. «А ещё она не вызывает головной боли, привыкания, приводит пациента в состояние повышенной внушаемости...» – Спенсер бесшумно вдохнул морозный воздух, и метнулся к машине так быстро, как мог. – «Только на кой? Всё равно... Потом в отработку... Заботиться о трупах? Пфе!»

Широкие двери сзади распахнулись, выпуская наружу клубы «Спокойной ночи», запах дорогого табака, вина и парфюма. Мощное тело, отягощённое обильными жировыми отложениями, упакованными в натуральные ткани и меховую шубу из чего-то вроде песка, даже не пошевелилось, выводя сочные рулады красным с прожилками носом. «Алкоголик, гурман, один из богатейших людей континента», – Спенсер, увязывая непослушного контрагента в тюк для транспортировки, чертыхнулся. – «Вот боров. Фунтов четырёхста, наверное. Двести кило... Хряк молочный, твою кавалерию! Морской министр, неограниченное влияние, необходима постобработка и низвержение. Использовать осторожно – негипнабелен».

Вытащив на покрытие моста свёрток, топорщащийся сна-

ружи мехом шубы, документами с грифами «сов. секретно» и «ты этого даже не видел», картами и сигарницей, доктор схватился за спину и тихо крякнул. Сейчас не хватало только потянутых сухожилий. Уколовшись в кармане об одноразовый инъектор стима, Спенсер присел, тихонько вздыхая, у ржавых балок ограждения, разделяющих проезжую часть и текущую где-то внизу реку. Темнота в глазах рассеялась, и он почувствовал прилив бодрости. Сейчас можно было пробежать хоть марафонскую дистанцию с тремя такими тюками за спиной, и только слегка запыхаться. Зверски хотелось курить.

Доктор одним движением взвалил морского министра на плечи, вскочил на шершавые от ржавчины балки, и радостно захохотал в ночную холодную тьму. «Чёрт, кажется я перепутал иголки...» – подумал Спенсер, спрыгивая вперёд, и чуть вправо, навстречу льду, стылой воде, и ощущению полёта. Ему было хорошо.

В портал он вошёл некрасиво, зацепив самый край. Молочно-белый плоский круг, имевший, как могло показаться стороннему наблюдателю, только два измерения, раскрылся под углом к траектории прыжка. Курс исправить не представлялось возможным, и с потерей куска шубы, да и жировой прослойки своей цели доктор был готов смириться...

...Он ударился головой о сварной титановый профиль приёмного отделения третьей базы, и ошарашено замычал. Дальнейшее память сохранила обрывками – выстрел из

пневматического ружья, мир начинает вращаться, лицо какого-то военного в новенькой форме со знаками отличия Римской Империи, наплывающее со словами «Quid hic agis, servus?».

Полковник потом передавал поздравления, и устами своего зама извинялся за неласковый приём. Целых две фразы: «Солдат, ты говно. Но продуктивное говно!»

Спенсер тщательно запомнил лицо офицера, и отметил провести поиск по новооткрытым Параллелям с ранней точкой ветвления. Интересный мир...

Но насколько всё хреново в Сети, если приходится импортировать солдат и офицеров из таких жестоких и примитивных линий?

Доктор проснулся, оглядел стандартные апартаменты, добрался, пошатываясь, до булькающего фильтром диспенсера, и долго пил воду. Потом он сел на пол, опираясь спиной в потной майке на пластик водяного хранилища, и тихонько заплакал. Он ненавидел одиночество. Особенно – такое.

Глава 7

Что такое отношения?

Я не имею в виду отношения между человеком и обществом, или между иными формациями. Меня интересуют отношения между людьми.

Любовь?

Да, и любовь тоже. Любовь, уважение, товарищество, ненависть, страх, влечение, необходимость, тяга, желание, жажда...

Уважение. Восхищение, превозношение, обожание, возвеличивание, воздаяние почестей, стремление прислушиваться и воспринимать слова...

Дружеские отношения – стремление помогать и принимать помощь, поддерживать и возвышать...

Сегодня вы хотели услышать мои слова об отношениях?

Так вот... Вы их не услышите. У меня их больше нет.
Д-р Спенсер, лекция в Холле Права, Параллель. Незадолго до исчезновения д-ра во время арктической экспедиции.

Он сжал лепесток манипулятора, заставляя кресло резко выкатиться на середину комнаты. Ускорение отозвалось болью в ногах и позвоночнике, но Спенсер стерпел её, внутренне радуясь способности ощущать это свидетельство выздоровления – медленного, затянувшегося, но, к счастью, те-

перь неизбежного.

Женщина, закутанная до самых бровей в утеплённое сари, медленно коснулась сенсора замка, и дверь, трепеща, захлопнулась. От движения перепонки в лицо Спенсеру пахнуло терпким ароматом духов, ванили и лыжной смазки. Последняя нотка была настолько чуждой и неподходящей его возлюбленной... Доктор вздохнул. «Что же, кажется, сегодня я услышу много нового о себе и своих, кхм, особенностях».

Она неторопливо прошла к мягкому гелевому дивану, и опустила в его недра, замерев.

Молчание тянулось долго, как сама вечность. Спенсер молчал, потому что не хотел говорить о том, что нужно было обсудить давно, ещё в самом начале – когда его привезли на наёмном махолёте в окружную больницу. После первых операций и реанимации. После неловкой попытки самоубийства, обошедшейся в сломанную челюсть и три лишних недели палаты терапии. Инульгем тогда пообещал сломать ему обе руки, если Спенсер даже громко подумает о таком способе оставить службу в Корпорации.

Она не пришла ни в больницу, ни в комплекс «Горный ручей», где проходил период восстановления перед серией операций по регенерации и имплантации. Два вид-звонка, состоящих, в основном, из обоюдного молчания. Увеличившийся в разы поток счетов за покупки в дорогих маркетах и бутиках, поездки на курорты, заказ омолаживающих про-

цедур... Основной банковский счёт Спенсера задрожал, но выдержал и этот натиск. «Но на кой уроженке этой Параллели, помешанной на генной хирургии и здоровом образе жизни, омолаживаться в... погодите, двадцать пять? О, боги... Вы жестоки», – думал тогда доктор, аккуратно подтягивая резервы с рабочих счетов, и ограничивая безумный Dance Macabre своей почти бывшей женщины на костях его финансового состояния и репутации. – «Интересно, сколько она вытерпит, прежде чем объявит о размолвке и разрыве отношений?»

– Ты – грязное никчёмное животное, Спенс! – доктор вздрогнул, услышав в свой адрес такой пассаж. На мгновение в нём вспыхнула ярость, и он схватился за изящные ручки своего кресла, пискнувшие и задрожавшие. – Ты оставил меня, твою возлюбленную, без средств к существованию!

Спенсеру стало тошно и неловко.словно в его приёмной кто-то навалил огромную кучу прямо на стол секретарю. И не важно, что секретарь – виртуал, и запахи не ощущает...

– Как ты посмел попасть в ту авиакатастрофу! – женщина не унималась, словно разыгрывая давным-давно прорепетированную и отработанную до последнего жеста мизансцену. – Я так переживала, так переживала...

Из-под складок её тёмного одеяния раздали вполне натуральные рыдания, и Спенсер перевёл взгляд на глаза, прикрытые тонкой полоской полупрозрачного капюшона-сетки. Они были сухи, как колодец в пустыне.

Он снова промолчал, прокручивая в сознании и виртуале последние траты Тайны, и привязывая их географически. Несколько переводов с призрачной меткой «консультации» были сделаны на небольшой счёт, принадлежащий лыжному курорту «Совиный Берег». Куда она зачастила как раз с момента неожиданного возвращения переломанного и медленно загибающегося Спенсера в эту параллель...

«А теперь – внимание. Кажется, тебя пытаются кинуть на бабки, и свалить к лыжному инструктору...» – док криво усмехнулся, стараясь, чтобы наружу эта гримаса не проникла. – «Интересно, а если бы я не сидел неподвижно в медицинском кресле, вы бы пришли вместе, и набили мне морду?»

– Понимаешь, мне необходимы ежедневные процедуры, косметические, и медицинские, чтобы...

– Понимаю. Чтобы создать хотя бы видимость мозгов в твоей красивой голове. Весь этот пиллинг, шейпинг, шопинг и фрекинг – удел дам далеко за пятьдесят, знаешь ли. Тебе же двадцать шесть, а выглядишь ты на шестнадцать...

– Но я хочу быть красивой!

– Лучше бы ты хотела стать умной. И, например, появилась бы разок в больнице, пока я там загибался, не зная, выживу, или нет.

– Но милый, я так переживала...

– Не вижу. И не верю. Кстати, как поживает твой лыжный инструктор?

– К-какой...

– О, у тебя их несколько? Ты делаешь успехи, дорогая...

Советую ещё обратить внимание на танцоров клиско, их тазовая мускулатура великолепна. Если бы они ещё не были поголовно гомосексуалистами...

– Милый, ты сменил ориентацию? Ой, это так неожиданно...

– Тайна, ты ведь даже не блондинка! – Спенсер встал с кресла, и сделал два шага навстречу ей, сжав зубы от адской боли. Внутри повреждённых конечностей сжались и явственно закрипели регенерированные кости и мышцы, переплетавшиеся с искусственными имплантами. Большие карие глаза, широко распахнутые с выражением глубокого непонимания, напомнили ему, что в этих краях анекдоты про блондинок не существовали никогда. В отличие от блондинок. – Откуда такая уверенность в моей тупости и ограниченности?

– Н-но... Линдси сказал, что ты не сможешь ходить никогда, его дядя...

– В жопу дядю, и твоего Линдси! – рявкнул Спенсер, шагнув ещё раз. Потом ещё. – Будь он хоть трижды мужчиной, хоть сверху, хоть снизу... Он не знает, что мы с тобой не женаты!

Глаза под сеткой распахнулись ещё шире. Тайна испугалась и, кажется, испытала шок.

– Как не женаты? А помолвка? Год назад, ещё до...

– Идиотка... – прошипел доктор, останавливаясь прямо перед ней. Внутри него верещали датчики медицинской системы, накачивающей волну за волной стимуляторы и обезболивающие. Но душа требовала движения и, что уж там, мести. – Тебя твои родственнички, змеи подколодные, так и не научили, что после помолвки, спустя год или два, нужно проходить процедуру государственной регистрации сочетания? Иначе при размолвке ты не получаешь ни шиша, кроме того, что записано в предварительном соглашении...

Он поднял правую руку, и направил указательный и средний пальцы ей в переносицу, внимательно наблюдая за глазами и складками сари.

– Дорогой, ты так волнуешься... – Тайна пошевелила руками под сари, словно доставая что-то из набедренной сумки... или кобуры. – Может, я помогу тебе?

Спенсер мысленно нажал на спуск парализатора, вмонтированного под ноготь. В кончике пальца образовалась тёмная точка, выплюнувшая синюю вспышку изучения. Тайна, дёрнувшись, обмякла в объятиях геля. Из-под сари на пол выскользнул короткий излучатель.

«Значит, всё-таки угадал», – Спенсер подозвал кресло, и, матерясь про себя, осторожно уселся в него, позволяя медсистемам делать своё дело. – «Линдси, или Франки, или ещё какой обалдуй. Нейропрограмматор. Зомби-программа. Увы, ребята... Я, конечно, не дядя всего ФБР Джо Хуккер, который такие схемы по десятку на дню раскрывает, чисто

для разминки. Я – доктор С. Спенсер, и убей меня господь, если я помню, что означает эта гребаная „С“ перед моей фамилией. Зато я видел много миров, и умею убивать. И работаю в странной, и иногда весьма страшной Корпорации. Для которой что Хуккер, что какой-то лыжный инструктор, что вся Параллель – одна пригоршня праха».

Он поднял излучатель манипулятором. Стандартный гражданский парализатор, дизайнерский корпус, куча ненужного функционала, сжигающего батарею втрое быстрее... И ни одного отпечатка пальцев, кроме оставшихся от Тайны. Гравитационный барьер утилизатора сглотнул кусок пластика и металла, не поморщившись.

С Тайной было сложнее.

Спустя двенадцать дней Спенсер стоял в кабинете киберпсихиатра Дариана Мюллера по прозвищу «Борман». Доктор налегал на трость под неслышимый никому, кроме него, писк медимплантов, но садиться отказывался. Борман бледнел, потел, протирал широкий лоб с залысинами, но отказать своему гостю в правде так и не смог.

– П-понимаете, д-д-д...

– Доктор. Философии. Спенсер, – вдумчиво поскрипывая коленями, отвечивал слова Спенсер. – А вы – киберпсихиатр. Вот и дайте мне раскладку по пациенту 4560, код «Тайна». Диагноз. Сроки исцеления. Виновные. Способы исцеления. Виновные. Способы наказания.

– Спенсер, я...

– Молчать! – Доктор вытянул вперёд трость, чтобы выступающий из неё раструб десинтора был как можно ближе к мгновенно взмокшему лицу Дариана, и ласково пошевелил пальцем, затянутым в лайковую перчатку. Спуск слегка подался под прикосновением. Из-под стола послышался трубный протяжный звук, заглушаемый шипением ароматизатора. – Без заиканий. У вас есть минута. Время пошло.

Борман покраснел, хрюкнул, но смог справиться с собой, заглотив пилюлю из коробочки на запястье. И затараторил неестественно высоким голосом:

– Понимаете, пациентка с тяжёлым поражением личности, известная как «Тайна», находится в искусственной коме с момента поступления две недели назад...

– Одиннадцать дней. Точнее, доктор! – подбодрил его тычком трости Спенсер. – Или вы хотите жить вечно?

– Хр-р-р-р... Поражение основной личности проведено через имплант шунта, при подключении к заражённому источнику. Загружена матрица новой личности, выявленная и лоцированная нашими киберами. Создатель матрицы пока неизвестен, но...

– Сорок пять секунд. Смелее, никто вас в полицию не сдаст...

– Лыжный курорт «Совиный Берег». Лыжный инструктор Линдси Баскет, он же – Красавчик Ион Ионеску, румын...

– Прогнозы? – прервал Бормана Спенсер, доставая из ле-

вого кармана пластиковые листочки.

– Восстановление основной личности в полном объёме невозможно, затронуты базовые параметры и память... Мы приложим все усилия, но... Понимаете... – киберпсихолог шумно вдохнул, и снова испортил воздух в кабинете. Спенсер поморщился, чуть двинув пальцем. – Мы восстановим её по теневым копиям в шунте, но с потерей памяти о последних событиях!

– На период в год.

– Ч-что, простите? – Дариан непонимающе дёрнул утопающим в жировых складках подбородком. – П-почему?

Спенсер опустил трость, с трудом заставляя руку не заходиться мелкой дрожью от боли в ногах.

– Вы справились, мистер Мюллер. Я оплачу все расходы. Вы сотрёте из её памяти меня, наши отношения и события после мая прошлого года. Скажем так, травма мозга после падения с лыж на курорте, амнезия... Придумаете сами.

– Х-хорошо... – киберпсихолог покраснел ещё сильнее. – Прощу простить за... э-э-э...

– Не беспокойтесь. Я бы сам обгадился, будучи на вашем месте, – Спенсер, улыбнувшись, бросил на стол листочки, которые сжимал в левой перчатке. – Перед стиранием зомби-программы продемонстрируйте носительнице эти визуалы. Это поможет вычистить её полностью...

Дориан Мюллер уставился в разлетевшиеся веером перед ними объёмные снимки. На белом искрящемся снегу

было распростёрто тело молодого мужчины в яркой зелёно-оранжевой куртке лыжного инструктора. Снег усеивали ярко-алые пятна и капли, сливавшиеся под телом в сплошной покров, исходящий паром. Многочисленные разрезы и разрывы превратили торс и ноги инструктора в сплошную кашу. Обрывки ткани, белые кости, сизые обрывки внутренних органов, красная кровь и вялые волокна мышц...

На смуглом красивом лице погибшего застыло странное выражение удивления и страха, и застывшие глаза смотрели прямо в камеру, заглядывая куда-то глубоко в душу.

Бормана стошнило прямо на визуалы.

– Снеговой комбайн. Без кожуха. Прискорбная случайность, – глухо сказал Спенсер, уже открывающий двери кабинета. – Надеюсь, вы понимаете, что это не должно выйти из нашего тесного круга, Дариан?

– Да, доктор! – Мюллер приподнялся в кресле, опершись руками в склизкую жижу на столешнице. – Я буду нем, как...

Дверь закрылась.

– Могила, – договорил киберпсихолог, и потерял сознание.

Спенсер стоял перед молочно-белым кругом перехода, и понимал, что в этом мире теперь появится только на миссии. «Укатали сивку крутые горки? Или сивка укатал сам себя?» – подумал доктор, поправляя лямки рюкзака. Все счета переведены на Корпорацию, недвижимость законсервирована,

легенда создана, федералы обласканы...

Тайна завтра выйдет из лечебницы.

Похудевший и осунувшийся доктор Мюллер сказал по вид-связи, что она так и не смогла вспомнить ничего о Спенсере. Банковский счёт клиники, пополнившийся накануне, похудел на несколько миллионов – в счёт обеспечения дальнейшего существования этого милого создания. Маленькой Тайны. Но Спенсер знал, что киберпсихолог планирует жениться на своей пациентке, и нисколько не беспокоился об их судьбе, совместной или раздельной...

Жизнь казалась прекрасной.

Таймер пискнул, и он широко шагнул на своих исцелённых ногах в колыхнувшийся туманом круг.

Начинался новый день.

Глава 8

Высокий худощавый мужчина в элегантной чёрной фетровой шляпе, низко надвинутой на глаза, медленно толкнул тяжёлую дверь и вошёл в большую комнату. Узкое стрельчатое окно, сотворённое лучшими мастерами по старинным эскизам, было занавешено плотными шторами, почти не пропускающими свет. Рядом с окном стояла широкая кровать, на которой кто-то лежал. В комнате стоял удушливый запах умирающего человека, который почти не проявлял признаков жизни, лишь изредка тихонько стонал в бреду и пытался что-то схватить длинными тонкими пальцами. Скомканные одеяла и простыни уже пропитались потом, хотя постель больному меняли каждые несколько часов.

– Пожалуйста, проходите, доктор Гриффин, – натужным басом произнёс мужчина в шляпе. – Думаю, вам бы хотелось получить объяснения?

Гриффин шагнул вслед за хозяином большого особняка, хмыкнул, утирая сочившуюся из разбитой губы кровь, и молча встал рядом.

– Меня зовут Хеллер Гордон, а это мой... племянник, – тихо произнёс хозяин дома. – Он тяжело болен, и никто пока не смог облегчить его страдания. Да-да, я знаю, – Хеллер прошёл вглубь спальни, снимая шляпу и покручивая её в руках, – случай безнадежный. Но, может быть, слухи о ва-

ших чудесах... в общем, доктор Гриффин, я помогу вам исчезнуть из города, из государства, да хоть с планеты. Только прошу вас, хотя бы облегчите его страдания!

Голос Гордона дрогнул, когда он бросил мимолётный взгляд на постанывающего в кровати племянника. Доктор Гриффин медленно, пошатываясь, прошёл к кровати умирающего. На взгляд доктора парнишке едва исполнилось двадцать. Бледное худое лицо с заострёнными чертами, словно посмертная восковая маска, впалые глаза, синеватые губы и крупные капельки пота на высоком лбу. Коротко остриженные светлые волосы сваялись жирными патлами, и торчали вверх, создавая впечатление некой короны на голове юноши.

– Вчера ему исполнилось тридцать четыре, – будто прочитав его мысли, произнёс Хеллер, бесшумно оказавшись за спиной доктора. Он уже избавился от щегольских перчаток с раструбом из тонкой телячьей кожи, и снял верхнюю одежду, оставшись в безупречном светлом костюме из бежевой шерсти.

Гриффину стало не по себе. Сотрясение мозга напомнило о своём наличии подкатившей тошнотой, головокружением и мельтешащими перед глазами чёрными мушками. Доктор пошатнулся, но сохранил равновесие.

– Мистер Гордон... – начал было он хриплым голосом.

– Прошу вас, зовите меня Хеллер. Мы все обращаемся так друг к другу в нашей небольшой общине.

– Мистер Гордон, – ничуть не смутившись, продолжил

Гриффин, – если вы не заметили, то мне и самому не помешала бы помощь, – он оценивающе посмотрел на застонавшего в кровати молодого человека. – Так вот, у меня два условия. Во-первых, мне нужна моя аппаратура. Во-вторых, мне нужна помощь.

– Вы собрались лечить себя, пока я прошу от вас того же относительно моего бедного племянника? – недоумённо приподнял бровь Хеллер.

Гриффин развернулся лицом к мистеру Гордону, крепко схватил его за лацканы модного пиджака и притянул к себе, как бывалый рыболов подтаскивает попавшуюся на крючок рыбу.

– Послушай меня, мистер-хуистер, – сбивчиво прошипел в лицо Хеллеру Гриффин, – не надо мне лгать, ладно? Я знаю, что никакой он тебе не племянник. Я знаю, что в вашей общине одни мужчины, и что этот человек умирает от самого пакостного вируса иммунодефицита, который только был найден ещё хрен знает когда. И если ты, щегольская пакость, не предоставишь мне моё оборудование, или меня к оному приборному чуду, то я не просто не помогу парню отойти с миром, я ещё рискую загнуться прямо у тебя в доме. До сих пор, как мне кажется, твоя община не была замечена в подобных делах, как то утилизация неизвестных покойников? А если покойник этот удирал при жизни от Комитета? А если за этим человеком выслали отряд Инквизиции из госбезопасности Корпорации?

Хеллер Гордон сник, опустив плечи, и едва не разрыдался, как ребёнок.

– Да-да-да, я всё сделаю, как вы скажете, доктор Гриффин. Конечно, вы правы. У нас уже умирали члены общины. Официально мы являемся религиозной пуританской миссией в этом городе, да и в обжитом секторе космоса. Папа Йозис I лично благословил сынов своих на дальнюю экспедицию, после того, как началась экспансия с Земли. Не знаю, насколько вы сведущи в истории, но я говорю про ту самую экспедицию, которая началась, как просто сброс неугодных обществу представителей человечества. Их погружали в сон в одноразовых капсулах, пуская дрейфовать в открытый космос. Кажется, там ещё был какой-то террорист, сумевший отключить систему пробуждения при критическом состоянии транспортной шлюпки. Очень, очень негуманный поступок по отношению к верующим братьям, коим даже не представился бы шанс принять смерть в сознании, помолиться перед отходом к нашему Создателю...

Гриффин глубоко вздохнул, набрав полные лёгкие воздуха, и, собрав остатки сил, хорошенько встряхнул мистера Гордона.

– Это просто замечательная история, но мне бы хотелось попасть к себе. Если вам угодно, можете пойти со мной. С вами только так можно разговаривать? Вы полный идиот, или у вас тоже наблюдаются признаки болезни?

Гриффин даже не подумал об этом с самого начала. Как и

о том, что вполне мог заразиться через множество порезов и открытых ранок на теле после извлечения его из рухнувшего аэрбота.

– Да, я болен, – Хеллер мягко, но настойчиво отцепил побелевшие пальцы Гриффина от своей одежды, – но жизнь моя не имеет значения.

– Да предохраняться надо было не словом божьим, мать-перемать, – в сердцах высказался Гриффин, подавив желание сплунуть горькую слюну прямо на пол из дорогого золотого дерева. Гордон пошёл красными пятнами, начав задыхаться от возмущения, но осёкся, встретившись взглядом с безумными глазами Гриффина, который едва заметно улыбался, глядя на Хеллера исподлобья.

– Хорошо, доктор Гриффин, – сдался Гордон, – что от меня требуется?

– Разыщите и приведите сюда Бо Ваняски. Он должен крутиться где-то рядом со зданием городской клиники. Там располагается моя приёмная, за которой Бо присматривает, пока меня нет.

– Думаете, Комитет не принял меры предосторожности относительно вашего места работы?

Хеллер уже взял себя в руки, отряхивая несуществующие пылинки с пиджака.

– Меры-химеры, – с каким-то вызовом во взгляде улыбнулся Гриффин. – Разыщи Бо, Хеллер. Без него мы все не проберёмся ко мне домой, в царство Аматаэрасу и Хель, вра-

та в которое хранит Асклепий.

Хеллер Гордон посмотрел на Гриффина тем же сочувствующим и снисходительным взглядом, что иногда бросал на бледного племянника, умирающего от вируса иммунодефицита. Гриффину было уже всё равно. Множественные ушибы слились в саднящие гематомы, порезы и ссадины покрылись корками засохшей сукровицы, смешанной с грязью и потом. Местами прорванная одежда доктора присохла к этим коркам намертво, и теперь снять тряпки можно было только вместе с частичками кожи или спёкшейся крови. К тому же, и доктор был в этом почти уверен, у него сломано два ребра, сотрясение мозга и трещина собственной жизни со спазмом поперечнополосатой мускулатуры нейтралитета.

«Пиздец вам, батенька, медицина тут бессильна», – подумал он, глядя в бледное лицо иссыхающего на дорогах простынях молодого человека. Белый налёт на губах и небольшие язвочки слизистой носа явственно говорили о запущенной стадии болезни.

«Даже думать не хочу, что там у тебя под одеялом, друг, – промелькнуло в голове Гриффина, – ладно, сейчас твой дружок нам обеспечит Бо, и мне придётся придумать, как тащить твой рассыпающийся скелет до моей конторы».

Вообще-то, никуда тащить этого парня Гриффин не собирался. Когда Хеллер Гордон спешно покинул спальню, оставив доктора дышать затхлым воздухом испражнений и выделений умирающего человека, Гриффин присел в широ-

кое мягкое кресло у окна, откинулся в нём и закрыл глаза. Ему срочно нужен был план, как удрать из Дали незамеченным, но со своей аппаратурой. Оставляя в личное пользование этим суркам государства отличный автохирург и сильно уменьшенную версию своего корабельного искина Гриффин совершенно не собирался.

Доктор прямо видел эту сцену. Вот он помогает парню отойти в иной мир без мучений, проводит диагностику Гордону и всем его мальчикам-зайчикам, выносит приговор и делает траурное лицо, ибо средств даже консервации, не говоря уже об излечении, здесь просто не было. Растроганный такой заботой Хеллер припадает к ногам Гриффина, умывается соплями и слезами, благословляет его от голубого лица небесного божества, и спрашивает, что же теперь хочет Гриффин в награду.

– Прошу вас, мистер Гордон, сущие пустяки. Мне вполне достаточно будет космического корабля малого или среднего класса. Да-да, одного из тех трёх, что вообще имеются не только в этом городе, но и на целом континенте.

Произнеся это вслух, Гриффин не удержался и тихо рассмеялся. Смех тут же ударил по голове волнами боли, сжимающей череп со всех сторон. Доктор перестал трястись от хохота, обхватив голову руками, но улыбка не сошла с его растрескавшихся губ.

– Мне всего-то и надо, всего-то и надо, о прекрасная Марлен, что улыбка твоя, – процитировал он строки из весёлой

портовой песенки. – Ну, а если ты против, ведь бывает, что против, мне всего-то и надо, о прекрасная Марлен, мне всего-то и надо, что два корабля. Только два корабля, только два корабля, чтобы прочь улететь, улететь от тебя. И вернуться потом, о прекрасная Марлен, и вернуться потом только ради тебя. Только ради тебя умирать и гореть, только ради тебя прыгать в космос опять, о прекрасная Марлен, мне не страшно гореть, мне не страшно гореть, если любишь меня, если любишь меня...

Гриффин не заметил, как его потянуло в сон. Напряжение последних часов отпустило, и он, убаюканный строчками старой песенки, задремал в мягком и уютном кресле рядом с кроватью умирающего, молодого племянника отца Хеллера Гордона.

Глава 9

Когда меня спрашивают, что такое Корпорация, я молчу, и загадочно улыбаюсь. Человек, задающий этот вопрос, уже перерос свой родной мир, и владеет знаниями, достаточными для самостоятельного поиска ответа.

Когда меня спрашивают, в чём цель существования Корпорации, я молчу. Но улыбка редко посещает моё лицо в такие моменты, и бывает грустной. Тот, кто спрашивает меня, либо потерялся, либо ещё не находил себя. Прямо как я. Мне его жаль.

Но когда мне задают вопрос, почему Корпорация не может победить Консорциум... Или не может спасти мир Линии или Параллели от нашествия слизняков-убийц, вторжения из сопредельного пространства, эпидемии мозгокори, экологической катастрофы или ядерной войны (нужное подчеркнуть) ... В эти моменты мой собеседник получает в ответ пустое лицо и внешнее спокойствие. Он ничего не понимает.

Корпорация никого не спасает и не побеждает. Она только связывает. Опутывает сеть переходов, туннельных станций, наблюдательных постов, убежищ и приютов странников... Даже мне, человеку без имени, который варится в этом не первое десятилетие, не всегда понятна стратегия и логика

тех или иных действий Директората. Пусть они и доходят до меня сквозь сито фильтров у ровней доступа, искажёнными и разрозненными.

Иногда мне кажется, что я совершил ошибку тогда. Когда в моей голове кровь выстукивала слово «корпорация», и сны рисовали изображения иных миров. Когда жизнь подсовывала одну удачу за другой, и все пути вели только к одной цели. Когда я вошёл в неприметный пыльный офис на третьем подвальном этаже дешёвого бизнес-центра. Когда я положил ладонь на сканер, и лихо отбарабанил текст на незнакомом языке, который снился мне уже месяц...

Иногда мне кажется, что лучше бы я тогда умер.

Собственно, я и умер.

Для моего родного мира. Я даже не знаю, мне ли принадлежит фамилия, которой я привык подписывать свои статьи и отчёты. И что, чёрт его дери, значит эта проклятая «С» перед ней?! Сидней? Станислав? Семьон, ядри его душу? Или вообще какой-нибудь Сатананда...

Я не помню своего мира. Разрозненные картинки, запреты при перемещении (только транзит, только через нулевую точку, только в бессознательном состоянии) ... Я даже не знаю, какой мир – моя родина. Запретов и транзитов много, слишком много. А привязаться по воспоминаниям, карте неба и свойствам планеты вряд ли выйдет, они не настолько разнятся между линиями, даже отдалёнными.

Человек без имени. Человек без родины. Человек без... души?

Из личного дневника сотрудника Службы, С. Спенсера.
Не опубликовано.

– Доктор! Доктор! Пассажиру плохо! – взволнованный стюард тряс за плечо Спенсера, который старательно изображал медленно выплывающего из глубокого сновидения человека.

На самом деле он проснулся, как только незаметный человек в сине-белой форме вошёл в его каюту, но не станешь же объяснять обслуживающему персоналу, что чувствуешь их за десять метров...

– Хррр... Отстаньте... – Спенсер дёрнул плечом, заворачиваясь в тёплый плед, и проклиная про себя неудобные сидячие кушетки. – Я доктор философии...

– Э-э-э-э... – обескураженный стюард отпустил рукав его пиджака, и что-то залопотал во встроенный передатчик.

Док расслышал знакомые сочетания пиджин-кода: «ошибка... не тот... службы... ждать...», и несколько напрягся. Лёгким движением ногтя большого пальца он выдвинул из перстня иглу с парализатором, и замер.

– Прошу прощения, мистер Спенсер... – стюард снова прикоснулся к его плечу. Трясти не стал, но просто сжал. –

Командир говорит, что вы – опытный путешественник, и можете оказать первую помощь. Может быть, у вас найдутся при себе... препараты?

«Да, найдутся. Парализатор, нейролептики, допросная химия и несколько ядов. Вот скажи, мил человек, тебе это поможет? – подумал Док, обращаясь к неведомому „больному“. – Хотя, пентал с нейролептиками могут снять сердечный приступ, а паралитиком можно просто оглушить, и довести тело до порта. Если у тамошних амбулансов найдётся регенератор, то пациент даже выживет...»

Изображать спящего представлялось бесполезным, и Спенсер открыл глаза. Стюард оказался старше, чем представлялось на слух. На его загорелом лице, покрытом мелкими морщинками, возникающими только под воздействием крупниц льда и пыли средних слоёв атмосферы, выделялись яркие фиолетовые глаза. Сейчас они излучали неподдельное беспокойство, и доктор не мог понять, что скрывается глубже.

– Уффф... – потянулся он, разминая затёкшие мышцы. Зевок получился, как настоящий – выспаться так и не удалось, цеппелин потряхивало в вихревых течениях, как телегу, гружёную камнями – со скрипом рангоута и скрежетом обшивки. – Стюард... эээ... Как ваше имя, любезный?

– МиКари, благородный сэръ!

– МиКари... А имя? – Доктор отбросил плед в сторону, не забыв ухватить иглу на перстне, и, распрямившись, хруст-

нул суставами. За этот хруст отвечала дорогостоящая наноимплантация, и Спенсер не отказывал себе в удовольствии использовать её, как говорится, «в хвост и в гриву».

– Дхарипатмашья Агниохм, благородный сэр... – стюард отвёл глаза в сторону, смущаясь. Здесь было не принято обращаться к прислуге по имени.

Доктор подхватил стоявший рядом с креслом саквояж из псевдокожи, кашлянул и расправил бакенбарды:

– Дхари... Вы же не против, если я буду к вам так обращаться, не так ли? – он жестом указал на плетёную дверь каюты. – Укажите мне путь к больному. Я действительно немного разбираюсь в, э, полевой медицине...

– Сэр, конечно, сэр! – МиКари согнулся в поклоне, но доктор отметил брошенный на него взгляд, в котором блеснуло что-то странное, не похожее на угодливость. «Ненависть? Страх? Или ярость?» – Следуйте за мной, это в первом классе, палубой ниже...

Пропустив стюарда вперёд, Спенсер непринуждённо подхватил свою трость с подставки, и сдвинул серебряную львиную голову накладки, которая скрывала предохранитель.

Одного взгляда на трясущегося в лихорадке пассажира, бледного, как смерть, было достаточно, чтобы понять – дело серьёзное, и дурно пахнет. Из Ост-Индийского губернаторства можно было экспортировать не только ценные и редкие ресурсы, но и новые для Метрополии болезни, наркотики и

девиации. Напустив на лицо выражение крайнего сосредоточения, Спенсер пропальпировал живот больного, который дрожал и пытался перекусить столбик сенсора аптечки, замаскированного под местный градусник.

– Селезёнка увеличена, печень тоже не в порядке... – важно сообщил стоявшим рядом с массивным кожаным креслом членам экипажа доктор, раскуривая сигару. Только так можно было заглянуть в экран аптечки, и понять, что именно случилось с мистером Доу. – Боюсь, что всё сложнее, чем кажется.

Экранчик мигнул, и выдал несколько строк на японском. Мысленно зашипев, Спенсер напрягся, переводя. «Малярия, новый штамм, синт-хинин или гексахлорохин малоэффективны». И дальше – обычная рекомендация удалить источник заражения из объёма, и стерилизовать помещение.

– Что с ним? – спросил сутулый рослый брит с чисто выбритым лицом. На его рукаве тускло блестели нашивки штурмана, а из нагрудного кармана выбивался клетчатый платок с монограммой.

– Сэр, у больного, скорее всего, малярия... – Спенсер достал градусник, и протёр его бактерицидным платочком. – Сто градусов, извольте...

– Вас понял, сэр. Благодарю за помощь, – штурман кивнул остальным. – Джон, Джек, приготовьте спускаемый аппарат. Доктор, вы можете понаблюдать за эвакуацией и дезинфекцией из смотрового колпака, нам нужна ваша виза в

бортовом журнале.

Спенсер слегка оторопел, и, сохраняя вежливую мину, осведомился:

– Но, сэр... Милорд! Я – не доктор медицины... – услугами «Ост-Индия СкайЛайн» он пользовался не впервые, но об эвакуации и дезинфекции ни разу не слышал. И в материалах Службы данный момент был не освещён. – Имеет ли...

– Сэр. Имеет. – Штурман достал из кармана платок, и промокнул лоб. – Вы диагностировали, хотя и приблизительно, опасную болезнь. Поставите визу в журнал после процедуры, сэр. Капитан и лично я будем вам премного благодарны за помощь.

Доктор, перехватив трость, двинулся за молчаливым мичманом по винтовой лестнице. В колпаке из плетёного дерева и гнутых стёкол, обеспечивавших обзор нижней полусферы корабля, было тесно. Мичман указал вперёд, и кашлянул в сторону:

– Смотрите туда, сэр.

Из люка, расположенного в районе трюмов, выбросили какой-то предмет, вспыхнувший зелёным огнём. «Ракета», – подумал Спенсер. – «А, дьявол!» До него дошло, что сейчас произойдёт.

Вниз полетели ещё ракеты, и следом за ними от ребристого тела дирижабля отделился тугой свёрток, напоминавший очертаниями человека. Пролетев несколько десятков

метров, свёрток вздулся, потом лопнул, разбрасывая клубы дыма и яркие вспышки каплей магниевого напалма. К далёкой земле, подчиняясь законам притяжения, продолжили путь обугленные клочки и кусочки размером не больше монеты.

– Всё, сэр, – мичман откинул люк, и опустил лестницу. – В рубку, сэр. Капитан ждёт.

– Д-да, да, – Спенсер перехватил поудобнее трость и саквояж, и взобрался по ступенькам. «С другой стороны, они правы. Гордые бритты здесь оказались ещё и умными. Опасная болезнь? За борт. Врача на борту нет, до ближайшего порта – неделя полета...» Подобное пренебрежение к человеческой жизни не коробило Дока, он мог принять и более жёсткие решения, когда был на Службе. Раздражало иное – ведь этого человека можно было спасти, достаточно применить хинин. Спенсеру очень хотелось изменить исход этих событий, но это было не...

...Одного взгляда на трясущегося в лихорадке пассажира, бледного, как смерть, было достаточно, чтобы понять – дело тяжёлое. Напустив на лицо выражение крайнего сосредоточения, Спенсер пропальпировал живот больного, который дрожал и пытался перекусить столбик сенсора аптечки, выполненного в форме английского градусника.

– Селезёнка увеличена, печень тоже не в порядке... – доктор, раскуривая сигару, заглянул в замаскированную под

портсигар аптечку. «Малярия. Дьявол. Унибак должен помочь, но он гипертехнологичен. Да пошли они!» – Ничего особо тяжёлого, разве что температура и лихорадка...

Спенсер нащупал в кармашке капсулу унибака, и засунул её в рот больному. стакан с водой, заботливо поставленный стюардом на столик, позволил многострадальному мистеру Доу протолкнуть пилюлю в пищевод, после чего он откинулся назад. Доктор посмотрел на часы, и объявил:

– Общеукрепляющее средство. Должно подействовать через четверть часа, господа... – после чего попытался выйти из каюты, но был остановлен твёрдой рукой штурмана.

– Мы подождём, доктор, – тихо произнёс он. В голосе чувствовалась угроза. – Если вам необходимо выпить виски, сэр, стюард доставит лучший сорт. Как только больному станет легче, вас проводят в каюту.

Спенсер набычился, распушив бакенбарды, и уставился в глаза штурмана. На дне льдистых озёр аристократичного суккина сына можно было разглядеть только скуку и стремление исполнить свои обязанности. Никаких эмоций. Просто служба.

«Наверное, так выгляжу я во время операций», – подумал Док, отводя взгляд, и стряхивая пепел прямо на ботинки штурману. – «Пакостное зрелище»...

– Пожалуй, я воздержусь от виски, сэр, – Спенсер потянулся к саквою, когда его руку попытался перехватить мичман. Получив тяжёлой тростью по костяшкам, он отдёр-

нул кисть, и док вытащил из внутреннего кармана металлическую фляжку. – У меня есть отличный бренди десятилетней выдержки!

Свинтив стаканчик с фляжки, он налил туда порцию алкоголя, и, улыбнувшись, выпил. «Выстрел из трости в офицера, мичману – паралитик из перстня, матросам – чем достану», – сложившаяся тактика вербализовалась. – «Вернуться в каюту, забрать вещи. Совершить переход. В движении? На маяк, шансы один к одному. Выживу».

Напряжение нарастало. Спенсер уже прицелился в мичмана, когда господин Доу зашевелился в своём кресле.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – наклонился к нему штурман, выдерживая, впрочем, дистанцию, и прикрыв лицо клетчатым платком. – Вам лучше?

– Д-да, спасибо, офицер... – трясущимися руками больной провёл по розовеющему лицу, стирая пот. – Что со мной случилось? Нич-чего не помню...

Спенсер тихонько выдохнул, и снова достал портсигар. Выбирая сигару, он пробежался по сенсорам. «Выздоровел, сукин сын. Универсальная вакцина справилась». Внутри Дюка медленно разжималась пружина собранности и готовности к действиям.

– Прошу простить, сэр. Мичман присмотрит за вами, если что-то необходимо – дайте ему знать, – штурман повернулся к Спенсеру. – Вам, доктор, отдельная благодарность от меня лично и капитана «Королевы Марии». Вас проводят.

Вернувшись в каюту, Спенсер нашёл в ней следы поспешного обыска и стюарда МиКари. Владелец непроизносимого имени развалился в кресле, и неспешно снимал с левого глаза контактную линзу. Правый глаз, уже освобождённый от кусочка стекла, в неярком свете казался чёрным.

– Что за чёрт?! – вполне правдоподобно разъярился Док, ставя саквояж на пол. – Дхари... Или как вас там... Что вы себе позволяете?

– Секунду... – стюард положил вторую линзу в футляр тёмного стекла, и заложил ногу за ногу. – Спенсер, вы прекрасный человек. И замечательно справились.

«Ядрёна вошь. Уэллс-Ярд? Непохоже. Ирландские гончие? Вряд ли. Кто он?» – подумал Док, присаживаясь на откидную полку у входа.

– Вы прекрасно справились с заданием. Надеюсь, небольшие игры со временем не повредили вам... – бывший стюард ловким движением кисти продемонстрировал вспыхнувшую и погасшую голограмму с символом змеи, кусающей собственный хвост.

– Кто вы, сэр? – Спенсер не узнал знака, но запомнил его. – И что происходит?

– Извините, но представляться не буду, вы меня больше не встретите. Агент Спенсер, вы нарушили несколько уложений Службы, применив нанотехнологии, и изменив тем самым ход событий в текущей вероятности. Однако без вашего

вмешательства дела пошли бы ещё хуже. Собственно, они и пошли. Когда-то и где-то. Нет, не спрашивайте больше ничего, – незнакомец встал с кресла, стирая морщины и загар с лица. Он значительно помолодел и, кажется, вырос. – Просто знайте: вы сегодня помогли нам. Мы поможем вам. Потом. Прощайте.

– Но... – Спенсер хотел встать, и не смог. Мышцы словно одеревенели. – Из откуда вы?

– Прощайте, – повторил неизвестный, и словно провалился внутрь себя, исчезнув.

Сетчатка ещё несколько мгновений хранила отпечаток человека, назвавшегося стюардом МиКари, но потом стёрся и он.

Сойдя спустя две недели на причал Вокзала Трёх Принцесс в сердце Лондона, сэр Спенсер вдохнул насыщенный запахом топлива и выхлопных газов воздух, и улыбнулся. Сэра Доу встречали многочисленные родственники, и сцена, разыгранная ими для всех присутствующих, была настолько яркой и профессиональной, что Док расчувствовался. «Надо же, как много отличных актёров, и как они загримированы... Он важная птица, этот Доу. Джон Доу. Неизвестный пациент...» – думал он, вызывая кэб взмахом трости. – «Забавная история, правда?»

– Вествинтер-сайд, побыстрее, – скомандовал он водителю. – Гинея, если успеем за полчаса!

Точка перехода здесь работала строго по расписанию, и ждать ещё сутки Спенсер не собирался.

Глава 10

Инульгем закинул ногу на ногу, смешно взмахнув полами потрёпанного пончо, и, оставив узловатый палец в Спенсера, наставительно произнёс:

– Мальчик мой, ты слишком узко смотришь на мир.

– Я? Узко? Не смеди меня... – опешил Спенсер, отстраняясь на неудобном стуле. Слишком уж взгляд Кловиса напоминал два оптических прицела, направленных на Дока.

– Узко. Ты даже не помнишь, кем ты был до того, как встал под, кхе-кхе, стяги Корпорации. Ты видишь только то, что тебе решают показать. Все твои ощущения и переживания – разрешены и одобрены где-то там, в надмирных чертогах Директората и Службы. Тебя не отпускают ни на секунду, ни на миг... – Инульгем ударил раскрытой ладонью по столу. Стаканы, звеня, подпрыгнули. – Только ослабляют поводок, и дают насладиться так называемой «свободой». На день, на неделю, на месяц, или, не приведи создатель, на год. Но потом поводок натягивается, и верный пёсик спешит на службу, задирать лапку на те кусты, которые ему показали...

– Это не так! Я могу... – Спенсер почувствовал, как внутри него начинает подниматься странное тёмное чувство. Ярость? Обида? – Я...

В кабинет заглянул хозяин «Трёх Лилий», привлечённый звуком удара и звоном посуды, но наткнулся на взгляд

Инульгема, и прикрыл дверь.

– Когда ты в последний раз смотрел на звёзды? И видел не огоньки, но сферы, освещающие небеса иных миров? – Кловис провёл пальцами по поверхности деревянных досок грубого стола, размазывая пролитое пиво. – Когда ты вдыхал воздух полной грудью, наслаждаясь ароматом прелой листвы или распускающихся цветов? Когда ты...

– Хватит! Прекрати. Я... – Спенсер вздрогнул, и замолчал. «Действительно, а когда? Когда я просто наслаждался жизнью, без оглядки на тикающий таймер отпуска?»

– Ты – слуга. Высокооплачиваемый, уважаемый хозяевами раб, которому позволено даже иметь своих рабов. И свой дом, и свой мир, и своё представление о мире, и, дьявол его заberi, мнение! – Инульгем сорвался на крик. – Мнение!!! Управлять группой, разбрасывать щедрой рукой заражённые семена и высаживать ростки «нового направления жизни»!

Отдуваясь, он откинулся на спинку стула, и медленно допил своё пиво.

– Корпорация несёт жизнь... – Спенсер неуверенно перебирал в голове аргументы, но ничего, кроме стандартных фраз из методичек и программ вербовки, на ум не приходило. – И насаждает право на...

– Чушь. Твоя любимая Корпорация несёт чушь... Как, впрочем, и её теневая сторона, Консорциум. – Кловис нехорошо усмехнулся. Дока пробрало холодком и мурашки побежали по спине – такая ухмылка обычно доставалась жертвам

Тёмного Охотника, когда Инульгем настигал их в каком-нибудь занюханном уголке удалённой Параллели. И крайне редко её удостаивались собеседники или коллеги. – Едва новый мир присоединяется к Сети, из него начинают сосать соки – металлы, биоресурсы, артефакты, произведения искусства – другие Линии, стоящие выше по лестнице Индекса. Первыми приходят учёные и торговцы. Потом – дипломаты. Потом военные... И с этого момента мир, и все жители, имевшие несчастье в нём проживать, становятся собственностью...

– Если бы не корпораты, я бы умер от голода в моей Параллели! Меня спасли и дали цель в жизни! – Док плюнул на условности, и выложил то немного, что помнил о себе. «Или мне позволили это помнить? Но зачем?»

Спенсер напряжённо всматривался в свой стакан, словно надеясь найти там истину или откровение. Увы, кроме пузырьков, цепочками поднимавшихся со стенок и дна, в пиве было только пиво. Ярость внутри билась в стенки черепа, и была волком.

– Тебе показывали твоё будущее? Да, вижу, показывали. Где бедный и несчастный ты загибаешься на свалке от передозы наркотика, суперспида или рака... – Инульгем снова улыбнулся, на этот раз – грустно и даже ободряюще. – Хуйня, мой друг. Полная и беспросветная хуйня. Своё будущее мы выбираем сами. И сами его создаём, каждый день. Каждую минуту – выбором ли, действиями, словами... Или бездей-

ствием и пассивностью овоща. Почему тебе показали только летальные варианты, и ни одного, где ты выбрался из жопы, и если не расправил крылья, то хотя бы научился высоко подпрыгивать?

– Иди ты на хер, мудрец хренов! – Док, не в силах сдерживаться, вскочил на ноги, с грохотом уронив свой стул, и сжал кулаки. Он понимал, что против длиннорукого и высокого Инульгема не выстоит и нескольких минут – тот просто превратит его в отбивную, даже не применяя своих странных приёмов, выученных за годы странствий по Сети. Но Кловис даже не пошевелился, только тёмные глаза цепко следили за движениями взбешённого Спенсера.

– О, оскорбления... Аргументация исчерпалась, да? Ма-чо сдулся, текила высохла, и кактус оказался не пейотлем, а навозной лепёшкой. Теперь успокойся, перестань раздувать ноздри, сядь, и выслушай мою историю. Как оно было у одного маленького мальчика из прерии...

Меня нашли в пустыне, на месте, посвящённом местным богам – Койоту и Мачтли, это такой мелкий тушканчик-пылевик, ну, типа голенастой мыши с большими ушами. Надо мной уже кружили грифы, нацеливаясь на лакомый кус плоти... Если бы не старый жрец Обманщика, жить бы мне до полудня максимум. Ну, ты понимаешь – пустоши, солнце, пески, жара... Младенцу с нежной белой кожей карачун сразу. Местные бы ещё повыёживались, но я-то не мест-

ный... был.

Жрец воспринял всё правильно, и принёс меня в пуэбло. Обозвал Койотлем, и отдал на воспитание самой малочисленной семье погонщика лам, чтоб его. Папа – любитель кактусов и пульке. Мама – ну, тут понятно. Постоянная беременность и десяток смуглых ребятишек обоих полов в глинобитной хижине.

Антисанитария, полное пренебрежение к общечеловеческим ценностям и жизни. Каждый месяц один из индейцев, вытянув священный жребий, отправлялся в пустынный храм, где жрец вырезал ему сердце... Жертвуя то Хитрецу-Койоту, то Жизнеделу-Мачтли. Эти тушканчики плодились, как... как... словно индейцы, задери их Христос.

Иногда боги снисходили до жертв. С Койотом я однажды даже поспорил, и проиграл ему половину души. Взамен, правда, он поделился частью своей – ведь без души, целой или половинчатой, человек всё равно не выживет... Пустыня к тому моменту уже признала меня своим. Сроднилась со мной, и проникла внутрь.

Горьким песком, солёной водой древних колодцев, горячими дюнами, выжженной травой пустошей, режущим ветром бурь и чернильно-синими небесами ночи, расчерченной, как игральная доска в тлачтли, метеоритными потоками...

Пустыня стала мной, я стал пустыней, и научился выживать там, где ты, или другой изнеженный белолицый умер бы

на третий час после полудня. Я ходил по миру, как Обманщик когда-то, оставляя в песке отпечатки лап и вой в ночной тишине под шуршание песка – что поделать, если я прошёл посвящение Койоту, и обменялся с ним душами?

Мне было хорошо, как может быть только человеку, живущему в гармонии с миром... Каким бы жестоким он не был.

Потом пришла Корпорация. Помню первые миссии, когда через молочно-белые круги на песок ступали закованные в металл солдаты и учёные, как приходили через стационарные порталы рычащие чудовища-грузовики, плюющиеся маслом и гидравлической жидкостью геологические автоматы и буровые установки. На Икстлане нашли залежи агравы, миллиенита и тяжёлых трансуранидов. Да, почти в обогащённой форме. Прямо хоть лопатой копай...

Кто сказал, что внутренним мирам Сети не нужны уран и золото? Друг мой, тебя нае... то есть, обманули! Нужны. И все эти трансформ-реакторы, эйнштейновские преобразователи и масс-конвертеры – тоже наёбка. Даже для конвертера нужна масса, желательна атомная. Чем выше – тем лучше преобразование, и выше мощность...

И вот наступил момент, когда на песок Икстлана из множества порталов двинулись солдаты. Конкистадоры-«железнобокие» со слаборазвитых миров, вооружённые современными стрелбовыми комплексами и боевой бронёй третьего

класса. Что могли сделать мои соплеменники, у которых-то и оружия не было, а из брони – тканые юбки да кожаные ремни, едрить их в туннели? Ничего.

И они делали это «ничего» двадцать лет без перерыва. Солдатам тоже надо есть, спать, испражняться и дышать. А для этого нужно хоть изредка вылезать из костюма. Отравленная колючка, щепотка сонной травы, семечко хищной лозы, песчаная блоха... Сердца участников Конкисты трепыхались на каменных блюдах в последних святилищах Койота, Чак-Мооля и Ш'баланке, броню заносили пески, а ружья... Ружья стреляли во врагов.

Двадцать лет партизанской войны в песках и скалах, от океана до океана. Это так долго... Когда потери превысили критические показатели, а геологоразведка показала гигантские запасы полезных ископаемых в недрах Икстлана, Корпорация решила вопрос. Эффективно. Быстро. Навсегда.

Ты когда-нибудь слышал о генетическом оружии? Ага, вздрогнул... Слышал. Я тоже слышал. Но, в отличие от тебя, я ещё и видел, как его применяют. И выжил, когда в небесах, в ярком сиянии полудня расцвели небывалые снежно-белые облака, так похожие на хризантемы... То есть, это я потом понял, на что они были похожи, когда выучил это слово и увидел цветок. А в тот день я стоял, и вместе со всеми собратьями-родичами смотрел в облака, чувствуя, как на губах

оседают сладковатые капельки влаги...

К вечеру заболели первые. Следующий день встретили немногие. Через сутки в живых остался только я один. Почему выжил? Я родился не в Икстлане, и мои гены, эти крохотные шестерёнки, на которых вращается вся наша жизнь, были другими. Вирус, расплывённый со спутников, не убил меня.

Когда я напал на лагерь геологов спустя неделю, пройдя Сердце Пустыни, они обалдели. Пески на сотни миль, жара под восемьдесят градусов, ни клочка тени окрест... И тайные тропы моего народа, для которого это место было священным. Последний из «мешика», как называли себя туземцы, размахивая обсидиановым топором и старой винтовкой, успел уложить пятерых, прежде чем кто-то из Службы выстрелил в дикаря дротик с парализатором.

Следующие полгода я провёл в институте на узловой станции Сети, где меня резали, просвечивали томографами и мучили сотнями способов. От генетического оружия нет противоядия, что бы ни твердили военные. Его можно настроить на группы генов, расовые особенности, какие-то мелкие признаки митохондриального ДНК, но от него невозможно защититься.

Это как рулетка – поставил на zero все деньги, и выиграл. Или проиграл, и шансонье уже спешит с золотым блюдом, на

котором, обёрнутый в вышитую салфеточку, завернут однозарядный пороховой пистолет с серебряной пулей... Славная традиция Рио-Путас-дель-Гранде, Параллели игорных домов, ранчо, гордых идальго и профессиональных шулеров. Да, оттуда вербуют конкистадоров для Испанского сектора Сети, где постоянно вспыхивают бунты... Я прожил там следующие годы, щедро проигрывая выплаченные мне в качестве компенсации деньги. И никогда, слышишь – никогда! – мне не удавалось добиться визита шансонье...

Койот хранил меня. Для других дел.

Я сам пришёл в Корпорацию. И отказался идти в конкисту, разведку или службу. Я хотел в Службу. Обхамил местного резидента, вызвал на дуэль пятерых, троих убил, одного оставил евнухом, а последний отрубил мне руки. И принял на службу.

Руки мне отрасли в регенераторе, убитых через три дня привели знакомиться с новым собратом по оружию, а Полковник, столь жестоко отметивший новобранца, стал мне отцом. И заменил мать, которой у меня никогда не было.

С тех пор я мечтаю увидеть Икстлан и умереть в его чёрных песках, перед смертью успев вернуть Койоту его подарок, будь он неладен...

И после этого ты смеешь говорить, что у тебя была хреновая жизнь, Спенс? Мне, Койотлю Тлескалитпотли? То есть,

тьфу, Кловису Инульгему, дьявол задери все эти миры и имена... Ну, братец, ты и зажрался... «Я чуть не умер с голоду»... Бедный ты, несчастный...

А у меня вот, блядь, родной мир убили. Но, как видишь, я вполне живой, смеюсь и иногда даже от души. Хотя и чётко вижу пределы своей и твоей несвободы...

Инульгем выговорился, и теперь молчал, сцепив пальцы. Его глаза были прикрыты, но между веками предательски поблёскивала влага. Спенсер, почти не дыша, заморожено ждал следующих слов Кловиса. И Тёмный Охотник их произнёс:

– Утрись, парень. Выдыхай. Дядя Инульгем тебе поможет. Есть тут у меня один заказец на примете...

Глава 11

Ты знаешь, в чём твоё счастье? Ну ты-то точно это знаешь, как же иначе. Каноны и правила осчастливливания тебе прививают с рождения. Ты ещё не успел как следует обсохнуть, не понял, куда делась тёплая мамкина утроба, а тебя уже маркируют, клеймят такой незатейливой меточкой с данными и параметрами. И тут же, вместе с новым миром, на тебя падают долги, обязанности и правила.

Пока ты мал, тебе надо слушаться воспитателей или родителей, а лучше слушаться всех и сразу, не перечить ради сохранности своей ауры, рёбер и взаимопонимания с грустным богом, который терпел, терпит и нам завещал подобное.

Подрастая, ты уже начинаешь ставить свои цели, и вот тут к долгам и обязанностям прибавляются желания и амбиции. Хочется и того, и этого, и ещё вот того и вот этого. А нету. Всего, что хотелось бы, никогда нету. Ибо даже у детей самых обеспеченных родителей всегда нет именно того, что приносило бы им счастье.

Интересно устроен мир, не правда ли? Чтобы тебе ни дали, ты всегда считаешь себя обделённым. Деньги, власть, еда, женщины, мужчины, свобода – всего лишь параметры, задаваемые нами самими себе же.

Если ты умеешь драться, ты для кого-то хулиган и забияка. Если нет, ты становишься сосунком и сопляком. Если ты

красив и успешен, ты продал душу дьяволу за внимание противоположного пола и взлёт карьеры. А если ты никому никогда не нравился в юности, ты получаешь снисходительное определение умницы и порядочного человека с кучей талантов, но совершенно неприспособленного к реальной жизни.

И что это – реальная жизнь? Работа, путешествия, дети и дом, или же, всё-таки, то, что ты сам хочешь сделать для себя реальностью?

В твоей реальной жизни всегда нет именно того, что раскрасило бы её в яркие цвета. И ты бежишь, гонишься, опережаешь, стремишься, быстрее, быстрее, быстрее...

Но лишь сдыхая перед финишем, сжимая в дрожащих руках самое заветное своё желание, ты внезапно осознаешь, что оно тебе не нужно. Всё, чего ты хочешь теперь, это просто жить.

Я хочу жить, Док.

Как часто ты слышал эти слова? люди отдавали тебе города и казну небольшой колонии за право просто дышать и гадить под себя хотя бы ещё несколько лет. Они все хотят жить исключительно перед самой смертью. Как будто простые желания испражняться или переваривать безвкусную кашу в лазарете линейного крейсера «Братислав» становятся для них источником искомого счастья только в этот момент.

Memento mori. «Помни о смерти», как чувственно подметили древние философы ещё во времена латыни, умершей вместе с тем самым моментом.

Наверное, во времена тех замызганных, небритых и явно недоразвитых людей, как считается в наше время, для них было куда важнее не забыть о смерти, не пропустить её за обедом или просто не заставлять старушку долго ждать под дверью.

Сегодня, во времена Корпораций, Комитета и путешествий в один шаг между планетами нам вовсе не нужно думать о том, сколько ещё простоит под стенами корабельного лазарета Безноса.

Люди хотели жить тогда, они хотят жить сейчас, и всегда, неизменно, узнают о том, что были счастливы исключительно перед смертью. Счастье – это осознание. Способность самостоятельно ходить и говорить, жить и выбирать смерть, принимать решения и совершать поступки. Свой выбор и своя ответственность за него. Счастье – это осознанное решение помочь или отказать, выбросить или подобрать, вернуться или остаться.

Счастье одного живущего человека никогда не сможет стать счастьем для кого-либо другого.

Нереализованные амбиции, желания и мечты поколений, в чём все сошедшие с дистанции способностей воплощения видели своё счастье, должны оставаться с теми, кто очень хотел, да не смог.

Ты родился, я поздравляю тебя с этим. И всё, что у тебя есть теперь для реализации своего счастливого абонемена, это исключительно твоя жизнь. Да, тебе дали её. Но дали

не займы, дали для личного пользования, выполнив минимальный долг перед обществом и одарив его, это общество, новым членом, составляющей частицей и винтиком системы.

Или же выплюнув в мир очередного гения, чьи способности настолько узко специализированны и востребованы, что он становится заложником того самого общества, которому обязан детством и рождением пополам с образованием и подачкой пособия на бедность.

Видишь, гений, ты снова кому-то должен.

А вот в резерве исключительно твоя жизнь. Это единственное, что тебе подарили, и единственное, что, как мы видим, тебе не принадлежит среди вороха обязанностей и долженствований.

А древние греки были неправы, напоминая себе о смерти. Хотя, если тебя заинтересует этот философский вопрос более глубоко, ты сможешь отыскать определение и трактовку выше упомянутого выражения.

Древние люди призывали не забывать о смерти, чтобы каждый твой вздох и каждый шаг были наполнены жизнью.

Тебе ли не знать, что никогда не угадаешь, где тебя накроет, да, доктор Гриффин?

– Доктор Гриффин, доктор Гриффин!

Голос был ему знаком, но казался пропущенным через синтезатор звуковых колебаний, постоянно пропадающим из

эфира, обрывающимся в канале передачи.

– Док, это я, Бо Ваняски...

Голос пропал на какое-то время, но потом снова появился, обращаясь уже к кому-то другому:

– Хеллер, я вообще не в курсе, что делать. Ты где его оставил?

– Дома, – как-то потеряно ответил другой голос первому.

– И зачем он пошёл сюда?

– В доме Хеллера кончилось спиртное, – неожиданно чётко и членораздельно произнёс Гриффин, так и не открывая глаз. Он помнил. Помнил, как выпался в кресле, разбуженный часто сновившимся ему кошмаром.

Он тратит все силы на прыжки, меняется телами с курьером, который должен отправить его оболочку простым рейсом подальше, забирает её на первой же стоянке, когда пассажиров ненадолго выводят из криосна.

Полёты, падение, свистящие звуки разгерметизации его корабля... и мысль, опять одна и та же мысль, которая проникала в его сознание даже во сне, сковывала движения, наполняла пространство обречённостью и безысходностью попыток удрать из-под крыла кураторов:

«Они знали, они всегда знают. Нашли судно, вывели из строя».

После этого Гриффин чувствовал, как он наполняется тяжёлым ощущением бесполезности. Себя, своих побегов, своей жизни, своего мастерства.

Он был жалок и беспомощен, загнан в угол псами Корпорации, истрёпан и обессилен её постоянным контролем над собой, вымотан бесконечными проверками лояльности.

Память...

– Доктор Эл Джей Гриффин, как ваше полное имя?

– Льюис Джероми, ваша честь.

– Доктор Гриффин, вы переводитесь в новый корпус на должность штатного работника по подготовке сотрудников к лояльному отношению к Корпорации. В ваши обязанности будет входить оценка эмоционального состояния предполагаемых сотрудников, очищение травмирующих или разрушающих блоков памяти уже действующих работников, корректировка поведения агентов и пожизненный контроль за вашими пациентами.

– Да, ваша честь.

– Доктор Гриффин, как вы понимаете, для вступления в новую должность вы должны сами уничтожить этот разговор в вашей памяти. Как краткосрочной, так и в долгосрочной, оставив исключительно осознание себя в новой должности. Цели, методы и алгоритмы не должны быть затронуты. Отныне вы тот, кто делает нашу жизнь лучше по собственной воле.

– Да, ваша честь.

– Теперь ваше имя Льюис Джероми Гриффин, должность – штатный оператор медицинского корпуса Корпорации. У

вас есть вопросы?

– Да, ваша честь. Могу ли я совмещать свои прямые обязанности с прошлой должностью штатного врача Корпорации?

– Думаете, вы сможете, Гриффин?

– А если смогу?

– Хорошо, совмещайте. Если, конечно, вы вспомните этот разговор, который вам было приказано стереть, как и моё согласие на вашу предполагаемую деятельность.

– Да он же пьян! – в голосе Хеллера послышалась паника и отчаяние. – Мертвецки пьян, святые купола!

– Пока ещё не совсем, – рассеянно произнёс Ваняски, сдвинув рыжие брови. Бо имел огромный опыт обращения с пьяными. В его детстве и юности жизнь дарил Бо исключительно подлянки, подставы и неприятности, что и привело его на самое дно Дале, куда опускались грузёные спиртным выполоски общества.

Гриффину было всё равно. В какой-то незримый момент ему внезапно стало наплевать на всё, что с ним происходит. Умрёт ли он сейчас от отравления алкалоидами или протянет ещё немного. Стошнит ли его лёжа, и он захлебнётся рвотными массами. А, может, он встанет, поскользнётся и сломает себе шею. Или его притащат обратно в воняющий живым трупом дом Хеллера, где Гриффину предстоит пытаться имитировать спасение заживо разлагающегося лю-

бовника хозяина дома.

Плевать. Плевать на всё. Надоело, до смерти надоело. Да, до той самой, о которой ему рассказывал какой-то голос в мире грёз и фантазий, ехидно читающий доктору лекцию о счастье и жизни, пока этот чёртов рыжий Бо не вытащил его из уютного мирка умирания.

«Зачем? – вяло думал Гриффин, покачиваясь на волнах беспомыслия, – кому это, к чёрту, надо? Неужели непонятно, что я сломался, сдулся, потерял квалификацию? Как же вы меня все достали, кто бы знал... это ваше нытьё, жалобы, трясущиеся ручки, жажда жизни, стремление не упустить шанса, никчёмные попытки цепляться за исчезающую надежду. „Док, помоги, Док, спаси!“ тьфу, блядь. А я не бог, я не воскрешаю, я непонятное упадочное хуйло, растерявшее остатки самоуважения к самому себе, которому приходится работать богом для тех, от кого этот бог уже отвернулся».

Гриффин почувствовал, что по щекам медленно ползут две крошечные слезинки. Мускулатура лица оставалась неподвижной, будто окаменевшей, глаза отказывались открываться и возвращать доктора в реальность окружающих декораций.

«Ваше время жизни – это всё, что у вас есть, а вы, идиоты, тратите его, вкладывая ресурсы, в непонятное мутное дерьмо, гордо называемое стремлением к лучшей жизни. Да вы, блядь, и худшую сохранить неспособны. А я... я напился, да. Вот так вот, бездарно и безнравственно, отказываясь пы-

таться помогать этому полудохлому задроту и его религиозной шайке. Да, я предал основной закон врача, я спасовал, я, чёрт возьми, устал быть богом, я хочу жить человеком. Боже, как же я устал... надо было разбиться в костный хлам, в шлак, растереться в космическую пыль, но я испугался. Я даже убить себя не смог, несчастный трус. Трус и беглец, которому не хватило ума соскочить качественно и не хватило ума сдохнуть окончательно. Слабак, ничтожество и бесполезный кусок дерьма.

Льюис Джероми Гриффин, ты чмо».

– О чём это он? – послышался голос Хеллера, пыхтящего и отдувающегося в процессе перетаскивания тела Гриффина прочь от ночного бара.

– Да хер его знает, – отмахнулся Бо. – Допился до чертей, видимо.

Гриффин мерно покачивался в руках мужчин, стараясь не расплескать содержимое желудка им на ботинки при каждом толчке. Он думал о том, кто он есть и кем был. Со вторым были проблемы, так как Гриффин имел серьёзные основания вообще не считать себя доктором, а ничего другого он не помнил. Но он же, как ни странно, отлично понимал, что память – это и есть душа, о наличие которой всегда существовало так много мнений. Сотри память, и вот ты уже бездушная кукла, белковый мешок с дерьмом, способный размножаться и потреблять, чтобы после испражняться употреблённым.

Ты никто. Ноль, оболочка, свободное тело, куда можно поместить хоть курьера, хоть иную сущность, хоть какую угодно память, подходящую под основные черты внешности или характера. Хотя, последнее сильно корректировалось наличием тех или иных вписанных файлов памяти.

Игры с душой, игры с богом. Чем они отличаются от игр с телом и игр с дьяволом? Один целит на суть, второй на оболочку. Им нечего делить, не о чем спорить. Их сферы деятельности никогда и не пересекались, говоря откровенно.

А вот он, Гриффин, застрял между. С душами играть он отказался, а для игр с телами требовались ресурсы. Ресурсы, время и оборудование.

Внутри Дока что-то сжалось, стиснуло грудную клетку и противно зануло, будто приступ стенокардии внезапно посетил старого знакомого. Гриффин скрипнул зубами, дёрнулся, потом ещё и ещё раз. До тех пор, пока его провожатые не поняли, что его надо положить на землю.

Док встал на колени, опершись руками о склизкую грязь канавы, содрогнулся всем телом и опорожнил желудок. Тошнотворные звуки судорожно сокращающегося внутреннего мира Дока сопровождались характерным запахом желудочного сока и спиртного, не успевшего переработаться и окончательно разесть слизистую пищевого мешка.

– С ним всё в порядке? – с беспокойством спросил Хеллер, поглядывая на упражнения Гриффина чуть в стороне. – Кажется, он то ли плачет, то ли смеётся.

– А, по-моему, он просто пытается выжить, – пожал плечами Бо Ваняски. – Только жизнь у него получается какая-то желудочно-кишечная...

Гриффин сосредоточился, унял спазмы пустого желудка и, медленно вытянув в сторону левую руку, показал поднятый вверх большой палец, выражая одобрение словам Бо.

Глава 12

Я делюсь с вами самым сокровенным, что у меня есть. Я отдаю вам то, что вы никогда бы не узнали, и никогда бы не попробовали. Я дарю вам свои мысли.

Чёрт его знает, зачем я вообще это делаю... Когда-то это был дневник, скрытый в глубинах сетевых баз данных, потом – курс лекций для жителей отдалённых Параллелей, затем – письма, которыми я обменивался с близкими мне людьми. Дневник я удалил, когда увидел в нём чужие правки и критические комментарии местных сетевых кодеров. Курс лекций закончился, когда я потерял надежду на нормальную человеческую жизнь и окончательно поверил в идеалы Корпорации. Письма... это были бесплотные сообщения, доставляемые забавной программой-почтарём, стилизованная фигурка которого молча улыбалась мне с экрана компа, но сейчас у меня нет доступа в Сеть.

Цикл завершился.

Я снова веду записи, которые хранит в себе старая тетрадь, прошитая суровой ниткой, и заключённая в толстую кожу какой-то рептилии. Изготовленная в удалённом от Метрополии секторе, она не содержит никакой техногеники, кроме линейного трансформатора. Последний позволяет уменьшить размеры этого бумажного монстра до маленького

блокнотика, и создаёт силовое поле, защищающее чернила и страницы от песка, пепла и дождя.

Я даже пытаюсь зарисовать самые интересные моменты, увиденные мною в моём безумном поиске, но Творец, или кто у нас там главный создатель всего и вся, не дал мне таланта художника.

Как бы то ни было, это – моя нынешняя жизнь.

Странная, рваная, и непонятная.

Я скучаю. И мне плохо. Не в медицинском смысле, до этого пока далеко. Но вот внутри что-то шевелится, и это совсем не глисты, как сказал бы один мой не в меру саркастичный сотоварищ. Это душа пытается проснуться.

По крайней мере, мне хочется в это верить.

Из личного дневника С. Спенсера, сотрудника Службы Расследований Корпорации (в отставке)

Датировка невозможна, местоположение не установлено.

Инульгем, присев на корточки, грел руки над электронным костром, и тихо улыбался. Вокруг возвышались скалы – изломанные, режущие взгляд и давящие на разум. С острыми, как ножи, гранями и странными разводами. Серые лабиринты камней, валунов, гранитных осколков и базальтовых игл скрывали внутри уютную пещерку. С родником и парой заляпанных бурым и коричневым плит известняка...

Безжизненная Параллель, снабжённая никому не нужным номером по классификатору миров. Тут не было ни животных, ни растений, а мелкие океаны колыхали свои мутные

воды, которые никогда не рассекали плавники рыб – только островки простейших водорослей, зелёных и синих, плавали в солоноватой влаге.

Тут можно было дышать, и даже жить – недолго, конечно. Кловис коснулся туго набитого мешка, и блеснул зубами в широкой улыбке. «Не место красит человека, а человек засирает место, – подумал он, на ощупь доставая тонкие сигары. – А тут даже гадить не хочется».

Большой Караванный путь проходил всего в двух милях севернее, по пробитому годы и годы назад ущелью, протянувшемуся между двумя природными порталами. Белые круги раскрывались раз в шесть часов, исправно пропуская группы вооружённых людей и тяжело дышащих животных, нагруженных тюками и свёртками. Три километра каменной пустоши, и пришельцы исчезали в молочном свечении, перешагивая границу с отдалёнными Линиями Серого сектора. Иногда караваны сопровождали солдаты или наёмники, изредка – тяжеловооружённые десантники или штурмовики Корпорации. И уж совсем редко на этом унылом пути попадались одинокие странники.

Такие, как Инульгем. Он бывал здесь регулярно, наведываясь к двум алтарям каждые три-четыре года. Отсюда было хорошо разговаривать с богами. Или просто отдохнуть от людей. Впрочем, сегодня не было ни разговоров, ни отдыха – всего лишь работа, скучная и надоевшая.

Нож взрезал тючок, освободив криоконтейнер с помет-

кой «Центр трансплантологии Минор Магис», и на известняк легло дымящееся от испаряющегося консерванта человеческое сердце. Прикосновение пальцев, нажатие – и оно начало сокращаться, хрустя замёрзшими тканями, и брызгая осколками льда и крови. Несколько слов, обращённых к мутной полосе в небе, заменявшем здесь Луну, и над сердцем появилось мутное облачко, а само оно словно усохло и потеряло краски. Ещё пара ударов – и на алтаре остались только осколки, расплывающиеся пятнами крови, и лужица хладагента.

Боги приняли жертву.

«Следующая остановка – Пустыня, – подумал Инульгем, бросая контейнер к стене пещеры, и раскуривая очередную сигару. – Сменить Параллель, и добраться до этой жопы мира, где видели сраного доктора. Когда-то давно. Сволочь. Какая же он сволочь...»

Сплюнув прилипшую к губам крошку табака, Кловис сказал вслух, чуть растягивая гласные:

– Вот только кто из нас – большая сволочь, доктор? Я или вы? Охотник или жертва?

От входного круга раздались выстрелы из крупнокалиберных винтовок. Тугие щелчки неслись над скалами, рождая эхо и ощущение тревоги. Иногда караваны пропадали здесь, и Инульгему вовсе не хотелось сейчас выяснять, почему. Он подхватил мешок, полегчавший и уменьшившийся в объёме,

и направился к ущелью, скользя по россыпям мелких камней и щебня. Повернув за скалу, Койот позволил себе расслабиться, и облизнул губы длинным языком. Ему стало смешно.

Теперь, когда невидимый палец указал на выходной круг портала Пути, и дальше, за его пределы, Инульгем успокоился, и втянул холодный воздух раздувшимися ноздрями. За порталом его ждали. «Ну и хрен с вами, – подумал Охотник, привычным жестом проверяя, как вытаскивается прозрачный клинок из ножен, скрытых в ремнях. – Не хотите жить – не мешайте жить другим...» Но ещё глубже, за нарочитым бурчанием и жестами, скрывался зверь. Который сейчас очень хотел крови...

Спенсер нервно постукивал пальцами по узорчатому бортику деревянного бюро. В кресле напротив развалился тучный идалго, затянутый в тёмный костюм, расшитый серебром и драгоценными камнями. Из-под некогда щегольской шляпы коменданта, надвинутой на лицо, свисали длинные усы, украшенные серебряными же бусинками, и погасшая сигара толщиной с запястье.

«Сиеста, драть её в корень, – морщась, как от зубной боли, подумал Спенсер, стоически сдерживая порыв натянуть шляпу по самые локти её владельцу, и сплясать качучу на голове этого гибрида слона, коменданта и человека. – Нена-

вижу Испанский сектор!»

Негромкий перезвон из глубины стола возвестил об окончании сиесты, и пробудил идадьго к жизни. Комендант сдвинул толстыми пальцами шляпу, приоткрыв заплывшие глазки, и изобразил на лице участливую улыбку:

– Агент Спенсер! Мадре диос, рад вас видеть здесь, на благословенной земле Каталонии! – голос у идадьго оказался неожиданно глубоким и низким, словно у оперного певца. «С другой стороны, кто мешает ему, сняв пропитавшиеся аристократическим потом тряпки, выступить на сцене „Опера Гранде Каталона“? – подумал Док, натягивая на лицо ответную улыбку. – Господь всемогущий, сколько миров, столько уродов. И все разные. И почему у меня не получается общаться с нормальными людьми, хотя бы изредка?»

– Команданте, поверьте, я рад и безумно счастлив пребывать в отделении Корпорации на Каталонии, где чувствуешь себя, словно дома, и даже лучше! – Спенсер попробовал улыбнуться. Получилось так себе. Он поправил небольшую сумку, перекинутую через плечо, и одёрнул манжеты гражданского костюма. Бирюзовый камзол, кружева, обтягивающие панталоны – все эти вытребенки невероятно бесили. – Но ваш покорный слуга только пришёл в себя после карантина и рекреационных мероприятий, и не успел насладиться красотами вашей родины лично, а не через посредство экранов и голо.

И Док протянул над полированным деревом столешницы

карточку с допуском. Ему было нужно подтверждение для выхода в город.

– Конечно, конечно! И, не будь я Санта-Мария дель Гато да Рива, если вы немедленно не получите разрешение внутренней службы... – Санта-Мария положил карту на считыватель, и углубился в настольный экран. Уроженцы Испанского сектора традиционно не доверяли высоким технологиям в лице нанитов, голографических интерфейсов и силовых полей, предпочитая старые верные сенсорные экраны, коммуникаторы и бронекостюмы. А ещё они делали великолепные сигары, зажигательную текилу и хорошее вино. Видимо, потому этот сектор был так пламенно любим контрабандистами, дилерами и просто нехорошими, с точки зрения Спенсера, людьми. «А ещё на большинстве Линий сектора безбожно жарко и влажно. Или сухо. Или находится ещё какая-нибудь напасть, типа испанского сапожкового гриппа или проказы Колумба, – Спенсер тихонько вздохнул. – И почему Инульгем направил меня именно сюда?»

– Да-да, благородный сэра, – закончив тыкать пальцами в экран, да Рива стащил с головы шляпу, и вытер обширную лысину мятым платком. – Очень рекомендую посетить собор Святой Марии Каталонской, он как раз напротив квартала Лос Чикитос, не ошибётесь. По замыслу архитектора, здание собора должно было напоминать обитательницам этого гнезда разврата о бренности сущего, и призывать их вспоминать о своей душе... Но вышло как-то наоборот. В общем, столи-

ца Каталонии с радостью примет вас, агент.

Комендант в очередной раз улыбнулся спенсеру, но в глубине его маленьких глазок блеснуло нечто, похожее на злость. Или злобу. Док почувствовал себя неудобно, но выдержал взгляд Санта-Мари, и, рассыпавшись в многословных благодарностях, оставил коменданта наедине с его экраном, шляпой, сигарой и бутылкой текилы в ящике бюро. Эту самую бутылку Спенсер лично преподнёс да Риве накануне, потратив едва ли не тысячу единиц на адское пойло...

За пластометаллическими дверьми, распахнувшимися в послеполуденную жару, расстилалась огромная площадь, исходящая маревом. Где-то там, за колышущимся воздухом и пылевыми смерчками, Дока ждал трактир «Молодая Печень» и один очень полезный, но очень занятой испанец, с которым его познакомил Кловис. С тех пор прошло много лет, но кто их считает? Это же не деньги...

В трактире было неожиданно прохладно и безлюдно – сiesta недавно завершилась, а до вечернего стаканчика вина было ещё очень далеко.

Хозяин заведения, высоченный мадридский негр, восседавший за стойкой, словно король, небрежно указал пальцем в сторону неприметного кабинета. Спенсер кивнул в ответ, и скрипнул дверцей.

– Здравствуй, – поднял на него взгляд от наладонника

смуглый невысокий человек в парадном сером мундире интендантской службы. Судя по галунам и золотому шитью, за время, прошедшее с последней встречи, друг Кловиса взошёл ещё на несколько ступеней по иерархии тыловых служб.

– И тебе не болеть, Боргес, – Спенсер присел на изящный стул тёмного дерева, и пристально посмотрел интенданту в глаза. Он не совсем понимал, с чего начать – в голову лезли мысли о базаре, торговле и партии контрабанды, которую недавно накрыли безопасники неподалёку, тремя Параллелями выше.

– Слушай, друг мой, у меня много дел и мало времени. Давай, выкладывай, зачем пришёл, мы быстренько договоримся, и разлетимся, как в небе корабли. – Боргес хитро прищурился и провёл пальцем по тонким усикам. – Ты ведь к чикитам шёл?

– Я к тебе шёл, вообще-то. Чикиты – только повод... – Док подумал, что здешнее словоблудие начинает напрягать, и вздохнул.

– Ай-ай, такой хороший молодой человек... был, – интендант тихонько засмеялся. – И туда же, по мальчикам... Не увлекаюсь!

– Остынь, hombre. Тебе нужно меньше смотреть порно и работать сверхурочно. Ты мне нужен как интендант, а не как мужчина, Гомес, – Спенсер поморщился, и налил себе из запотевшего кувшина немного вина.

На смуглом лице Боргеса промелькнул интерес:

– О, птичка принесла в клювике... А что, кстати, принесла птичка?

Спенсер снял с плеча сумку, и достал небольшой изолирующий контейнер, в котором блеснул сероватым металлом шар дезинтегратора. Оружие неизвестного происхождения долго лежало в тайнике, и вот, кажется, его время пришло...

– Вот, смотри. Выемка для большого пальца, если сжать – генерируется широкий луч дезинтегратора, – Спенсер помолчал, и добавил: – Порталами и наблюдательными постами не засекается.

– Причудливая вещица. Где нашёл? – Боргес натянул на ухоженные руки тонкие перчатки, и осторожно ощупал шар, поглядывая в наладонник. Спенсер вздохнул ещё раз:

– Во время задания, на помойке.

– На помойке, или на Помойке? – интендант снял перчатки, и улыбнулся.

Док подумал, что интуиция не зря не советовала ему обращаться к этому въедливому торгашу, и неожиданно вызверился:

– Иди в задницу, мучачо! Ты прекрасно понял, что я хотел сказать...

– Да, понял. Но наблюдать твою перекошенную рожу, гринго, бесценно, – Гомес снова тихо рассмеялся, наблюдая за собеседником. Тот отхлебнул вина и старался успокоиться. – Пробовал в деле? Откуда знаешь, как пользоваться?

– Наблюдал. Сам не применял, потом сложно было бы до-

казать Комиссии по Контролю, что я не гуано.

– А тот, кто использовал эту... штуку?

– Он уже никому не расскажет, не бойся. Автоклавирование и биореактор, – пожал плечами Док, вспоминая двоих федералов, рассыпавшихся пеплом. «Ангел заслужил такую казнь», – промелькнуло в его сознании.

– Отвратительно... Чего вы только, гринго, не придумаете... – Гомес уставился на оружие. – Ну надо же, как похоже на бейсбольный шар...

– Ты швы нарисуй, не отличишь. Размер совпадает, – Улыбнулся Спенсер, представляя себе интенданта с битой в руках. «Нет, биту лучше держать мне. И даже пару раз ударить. Прямо по этой ухмыляющейся роже. Господи, ну какие же мы все уроды...»

– Ага... Так... – интенданта положил дезинтегратор обратно в контейнер, и мгновенно стёр улыбку с лица. – И сколько ты за него хочешь?

– А сколько дашь? – Спенсеру было противно. Он никогда не торговался просто так, из любви к искусству, и сама мысль о том, чтобы устраивать это ненужное представление, была ненавистна. Но так было необходимо. «Ладно. Кловис, я тебе это припомню...»

– Ну-у, друг мой бледнолицый, скажем... Пятьдесят тысяч? – Боргес прикоснулся к экранчику наладонника, и что-то проверил.

Спенсер пожал плечами, и снова отхлебнул вина. На ред-

кость неплохого, кстати.

– Допустим. А сто килоединиц слабо?

– За разряженный образец непонятной хрени с очередной помойки? Сто тысяч? – интендант натурально выкатил глаза, и привстал со своего стула. – Гринго, твои мозги не выносят кастильского солнца, они текут со страшной силой! Да чтоб моя сестра стала последней шлюхой, шестьдесят!

– У тебя нет сестры, Боргес. И братьев нет, – устало откинулся назад Док, ловя взгляд Гомеса.

Интендант снова полез в коммуникатор, и пригладил усики:

– Да, дьявол, нет. Но больше семидесяти всё равно не дам, и не проси...

– Мне не нужны деньги, друг, – подчёркивая последнее слово, Спенсер наклонил кувшин, снова наполняя свой бокал.

Боргес оживился, почувствовав выгоду. Смешной человек, который уже несколько десятилетий ворочал миллионными делами, обеспечивая почти весь сектор оружием, бронёй, предметами роскоши и новыми технологиями, сейчас с жаром предлагал свой товар, словно мелкий лавочник – прохожему в час пик на Трафальгарской площади Большого Лондона...

– Девочки, наркотики, современное оружие? Могу достать тяжёлую броню, почти новую, от предыдущего хозяина отмыть – и сносу не будет!

– В задницу твою броню вместе с девочками... – Спенсер посерьёзней и сжал челюсти. «Вот оно!» – внутри замер холодок какого-то странного чувства. – Мне нужна услуга. Или информация. Смотря по тому, что ты можешь, интендант...

– Я? Я?! Интендант Боргес, который тридцать лет обеспечивает чёрный рынок Кастилии, Ламанча, Мехико и Тегусигальпе, матре диос дель пута, первоклассным товаром – и не смогу?! Да ты охренел, гринго! – взвился Гомес, прищёлкивая пальцами и вздымая руки театральным жестом, отработанным до автоматизма.

– Не кипятись, штаны намочишь. – Док говорил медленно и тихо. – Мне нужно узнать, кто именно, когда и где проводил мне коррекцию памяти.

– Ты спятил, гринго? Это же секретная информация... – кажется, Спенсеру всё же удалось удивить интенданта. Теперь он начал нервничать, и потянулся к бутылке.

– Не можешь – так и скажи, я найду другого. А с тобой мы будем видеться немного реже, чем хотелось бы. – Спенсер подумал, и добавил: – Я не угрожаю, друг. Сам знаешь...

– Да уж... Задал ты задачку... Гринго, ты хоть понимаешь, что если тебя накроют, то ты уже не отмажешься?

Док подумал, что судьбоносные решения, пожалуй, редко принимаются в трезвом уме и полной памяти, и, внутренне наплевав на принципы, ответил:

– Знаю. Но мне как-то похрен, Боргес. Мне нужно имя. Имя и данные на специалиста.

– Я попытаюсь. Мячик заberi, гринго. – Интендант отодвинул контейнер, словно тот был измаран грязью.

– Оставь себе, как предоплату. Потом поговорим о расчёте. – сказал Спенсер, и подумал, пытаясь мыслить холодно и чётко: «Кажется, это называется изменой. И я её только что совершил...» Мысль приятно леденила позвоночник.

– Ну, как знаешь. Покупатели найдутся, незарегистрированное оружие всегда в цене, да ещё и «невидимое» ... – Гомес пригладил волосы, и махнул рукой. – Как предоплата, пута madre, подойдёт. Может, даже на пиво с перцем останется, хе-хе...

– Вот и славно. Теперь я – к чикитам, надо же увольнительную закрыть, – поднялся со стула Спенсер.

– Не надорвись, гринго! – засмеялся интендант, наливая себе в стакан золотистую жидкость из большой бутылки. – Наши девочки – горячие штучки!

– Ага, аж дымятся. Не кашляй, Боргес. И не пей много текилы, а то опять гравитанк продашь сепаратистам... – попрощался Док, и покинул кабинет, провожаемый возмущёнными воплями покрасневшего интенданта, разлившего от неожиданности спиртное:

– Скотина, сколько лет вы мне все будете припоминать эту развалину! Чтоб вы сдохли, дьявол вас съешь, гринго грёбанные!

На улице вступал в свои права влажный и тягучий вечер,

свежим ветром развевая листья ленточных пальм и высоких катальп. Дома «весёлого квартала» расцветивались зажигавшимися фонариками и гидролампами, превращаясь в сказочные замки, роскошные дворцы и иллюзорные пещеры Ала Ад-Дина... Издалека доносились обрывки танцевальных мелодий, женский смех, и звон бокалов. «Или шпаг, – подумал Спенсер, медленно направляясь к старому собору святой Марии. – Они тут все буйнопомешанные какие-то, ей-богу».

Глава 13

Только что понял: я был слеп, как котёнок в снежную пургу.

Кто из нас по-настоящему свободен? Из нас, кто служит (или служил) Корпорации? Внутренняя служба? Нет, они не видят ничего дальше того мира, где работают. Охрана? Агенты внешней Службы? Увольте-с, видеть несколько Параллелей и Линий, одни и те же, год за годом... либо, во втором случае, с высунутым языком носиться по заброшенным и ненаселенным теням миров, преследуя очередного преступника, который, может, не так уж и виновен.

Торговцы? Да для них вообще все миры сливаются в один большой базар, различающийся только товарами и цветастостью костюмов продавцов!

Исследователи и десантники? Да, они видят больше, и чаще вдыхают свежий воздух новых мест... Чтобы свалиться, посинев и корчась, от неопознанного сканерами микроорганизма, или получить стрелу с неизвестным ядом в щель между пластинами доспеха. С тем же исходом. Хотя, да – свободы у них больше, как кажется.

Но только – кажется. Мы все – рабы. Слуги. Собаки на цепи, только одних кормят помоями, а других – мясом, и длина цепи у всех разная...

Я возвращаюсь к Кодексу и Уставу, вчитываясь в их слова. Когда-то они были исполнены света и Истины, и придавали смысл жизни. Сейчас слова пусты, как заброшенный колодец в иссохшем оазисе, где скелеты деревьев заносит неторопливые дюны. Я не могу понять, как раньше верил в них.

В одном я убеждён – Сеть в том виде, в каком она сейчас существует, всё же даёт больше, чем отнимает. А когда-то давно это была великолепная идея, живая и гениальная. Так было, пока Директорат ещё существовал вне отрыва от реальности, и люди работали за идею, и ради общего дела.

Когда появились блоки лояльности и новым служащим стали стирать память, изменять личность и вообще разрешили превентивную психирию – Корпорация умерла. Да здравствует Корпорация...

Организация стала монстром. Сотни и сотни миров ложились в основу Сети, новых агентов загоняли на кресла коррекции вереницами... Некоторые из них были в наручниках! Корпорация не гнушалась принимать в свои ряды изгоев и преступников (по местному законодательству, разумеется) ... Действительно, почему бы и нет? Матрица личности, стирание памяти, глубокие блоки лояльности...

Чёрт, я до сих пор не могу поверить той записи, что просмотрел недавно, на Каталонии. Курва мать, нельзя же так. Двадцать молодых парней, от восемнадцати

до двадцати с хвостиком. Изнасилование, ограбление, разбой, убийство, политическая неблагонадёжность, оскорбление действием... Даже вербовщики в средневековые армии были более корректны, спаивая рекрутов столетия назад – они хотя бы не убивали сразу. С этим прекрасно справлялись многочисленные поля боя...

Пятеро не выжили. Сработали блоки лояльности, выжигая мозги. Им не ставили импланты, не внедряли гаджеты – коррекция, лояльность, убрать трупы, следующая партия несчастных. Ненавижу Испанский сектор!

Впрочем, а кто я сам? Кем был до того, как влился, мать его так, в ряды Корпорации? Преступником? Шпионом? Неудачником? Или, может быть, от меня так избавились, например, конкуренты? А, может, я сам предпочёл такой изощрённый способ самоубийства? Не знаю.

Стоп. Почему не сработали блоки лояльности? Почему я вообще могу размышлять об этом свободно, и записывать мысли в дневник? Почему я могу действовать вопреки Уставу, как во время операций, так и сейчас? Непонятно. Что произошло? Что изменилось? Почему всё так происходит?

У меня нет ответов. Но обязательно будут. Как только я...

Из личного дневника С. Спенсера, сотрудника Службы

*Расследований Корпорации (в отставке). Неопубликованное.
Борт транслинейного экспресса, пассажирский отсек класса
«А», кают-купе 12.*

Стук в дверь отвлекал. Док попытался сосредоточиться, и вернулся к мерцающему перед его внутренним зрением экрану настройки имплантов. «Уровень нанов в крови низковат, надо бы пополнить... Ближайшая Станция – через три остановки, четыре Линии севернее, – Спенсер деловито почесал нос, облезающий после жаркого каталонского солнца, и поразился, что жару сменил холодный климат Нордического Сектора. – Так, что там происходит, чёрт возьми?»

Он провёл рукой по сенсору рядом с плотно задраенной дверью, подождал несколько секунд, и чертыхнулся. На этом экспрессе даже в классе «А» была установлена устаревшая техника, и архаичные механические устройства...

– Что случилось, стюард? – совладав с отполированной рукоятью двери, поинтересовался Док у затянутого в пышный мундир члена экипажа. – Вы мне помешали...

– Доктор, со всем уважением, – согнулся в поклоне сутулый парень, придерживая руками в белоснежных перчатках приоткрытую дверь, – капитан просил вас, господин, проследовать в центр связи. Это второй вагон, прошу простить...

– А зачем я понадобился в центре связи, капитан не просил передать? – надевая маску высокомерной раздражённости, спросил Спенсер, натягивая пиджак и поправляя манжеты серой сорочки. – У меня важная деловая встреча в Ли-

нии Мерса, и я не хотел бы прибыть туда в неподобающем состоянии рассудка...

– Никак нет, доктор, капитан не сообщил, – стюард ещё раз поклонился, обозначив направление к голове поезда. Там, за мощным локомотивом, в трёхэтажном вагоне, помещались командная рубка, каюта капитана и отделение транслинейной связи.

«Сообщение, – подумал Спенсер, следуя по мягким коврам к междвагонному шлюзу. – Но от кого? Кловис? Нет, он предпочитает менее дорогие способы связи, и любит личные беседы. Полковник? До окончания отпуска ещё довольно долго, да и зачем задействовать публичные линии, если можно послать сигнал на встроенный коммуникатор...»

Радист поднялся, и отсалютовал вошедшему в тесную каюту Спенсеру, после чего молча протянул ему тяжёлые пластиковые наушники, и ткнул пальцем в мигающую кнопку. Пока Док устраивался в неудобном кресле и натягивал на голову непривычную конструкцию, дверь скрипнула, и он остался на посту связи один.

Сквозь шипение помех прорвался знакомый голос, диктующий шифрогруппы, а потом потоком полилась быстрая сбивчивая речь с кастильским акцентом. Импланты мгновенно подхватили поток кодированного текста, и Спенсер, прикрыв глаза, уставился на побежавший перед глазами текст.

«Друг мой, это суперинтендант Боргес. Мы с тобой не так

давно виделись в неплохом трактирчике, названном в честь одного важнейшего в нашем деле органа. Напоминаю, что оставленную безделушку я уже пристроил, чему ты, наверняка обрадуешься. Остаток после моей комиссии упадёт тебе на счёт в Сетевом Банке... – в этом месте жаркая речь Гомеса на секунду прервалась, пока маленький интендант набирал воздух для следующей тирады. – Извини за беспокойство, и за этот код – но по-другому не получается. То, чем ты интересовался, будет ждать тебя в Нордхельме, на Станции, в почтовой ячейке на имя нашего общего знакомого, который так любит шляпы и накидки. Но будь осторожен – пойло адски жгучее, такой текилы я не видел уже сто лет, клянусь моими усами и честным именем! Возможно, местный бармен поможет тебе с рецептом коктейля, но я бы не рассчитывал – северяне очень плохо относятся к нашим напиткам, а уж тем более к таким ядрёным. Пей осмотрительно. На Севере очень привязчивые служители закона и коменданты... Кстати, если нужно будет снять похмелье, обращайся к моему коллеге, он всегда держит под рукой этот проклятый рассол. За умеренную плату может даже доставить, куда скажешь. Удачного тебе пути, и, клянусь Святой Марией, хорошего отпуска! Бывай, гринго...»

Последние слова Боргес произнёс без кода, и Спенсер улыбнулся, вспоминая ушлого каталонца. Но двойное кодирование и недомолвки с оговорками серьёзно насторожили Дока – чуткое ухо агента уловило нервозность, тщательно

скрываемую Гомесом за скорострельной речью и бодрым тоном. «Кажется, предприятие будет не таким уж простым, – подумал он, и напрягся. – Чёрт возьми, куда я вляпался? И где сейчас чёртов Инульгем?»

Удостоверившись, что запись стёрта, Спенсер покинул помещение, и, с благодарностью кивнув радисту, направился в вагон-ресторан, где за кружечкой светлого пива принялся размышлять о дальнейших действиях.

Забрать данные из базы Станции, запастись нанами и кое-какой аппаратурой у тамошнего интенданта, и двигаться дальше – эти шаги были понятны и естественны. «Но почему мне так маятно и странно? – подумал Док, отпивая из высокого бокала. – Словно мне в спину целятся из снайперского комплекса с лазерным наведением. И палец уже лёг на курок, выбирая свободный ход...»

За панорамным окном мелькали заснеженные леса и холмы, лишь изредка прерываемые небольшими хуторками и заимками, окутанными серебристыми куполами силовых полей. Параллель Имирхельм славилась не только мехами и украшениями ручной работы, но и жесточайшими зимами с морозами, до минус восьмидесяти градусов универсальной шкалы. Выжить тут можно было с трудом – потому селения и прикрывались силовыми преградами, а местные жители носили огромные меховые парки, и зарывали свои жилища в снег на несколько метров. «Если бы не полезные ископаемые, Корпорация сюда и не сунулась бы, – мелькнуло в го-

лове Спенсера, пока он созерцал сверкающий белизной пейзаж. – Жить в середине эпохи глобального оледенения и морозить задницу ради мехов и костяных фигурок – дураков нет. Пара миллионов туземцев не в счёт, да и что они могут сделать?»

Ему не было жаль фактически порабощённых жителей Имирхельма – в конце концов, у них была еда, их обеспечивали медицинской и бытовой техникой, учили и заботились о развитии. В обмен на ресурсы – но в этой вселенной принято за всё платить... «Это их судьба. Они сами её выбрали, – подумал Док, но сразу устыдился своей мысли. – Эй, что я несу? Кто их спрашивал, когда геосканеры заверещали над месторождением лантанидов или редкоземельных металлов? Ещё один мир в Сети, каждому аборигену – по унитазу с подогревом, и проходческие щиты врезаются в скалы. Чёрт. Одно и то же. Везде. Только унитазы разной формы...»

Экспресс нёс его сквозь сияющую пустыню к Станции, и с каждой проглоченной атомным поездом милей к Доку приближалась судьба. Только он не подозревал об этом.

После визита к коменданту и долгого обстоятельного разговора о целях визита Спенсер направился на поиски местного интенданта, по пути пытаясь разобраться в локальной инфосети. Она оказалась неожиданно сложной и замороченной, с множеством ловушек и фильтров, и Док с трудом смог найти нужную ячейку памяти.

Забрав необходимые в путешествии вещи, упакованные в минимизатор, Спенсер на несколько минут присел в рекреационном холле у чахлой пальмы, и, вскрыв банку энергетика, развернул инфопакет.

Данных там содержалось на удивление немного.

«Доктор медицины Льюис Джероми Гриффин, старший оператор Медкорпуса Корпорации, Линия Европа-2158, Основная последовательность. Доказана измена Корпорации, изъятие секретной информации, нарушение Устава и уложений Медкорпуса. Местонахождение неизвестно. Подозревается в нелегальной врачебной практике и вмешательстве в процесс подготовки лояльности сотрудников. При задержании любыми способами сохранить жизнь. Награда объявлена в секторах Центр, Испания, Норд, Юг. Расследование ведётся без срока давности».

Фотография совершенно обычного человека со светлыми глазами и недовольным выражением лица.

Несколько файлов с перечнем предполагаемых мест присутствия подозреваемого: «последний раз замечен в Параллели 2041.А.21, Периферия».

И, наконец, короткая записка от Боргеса, гласившая: «Док, беги немедленно. Эта информация засекречена, и после прочтения тебя будут преследовать. Я запутал следы, как мог, но лучше нам не встречаться. Извини, так вышло». Через секунду записка стёрлась из пакета, а по спине Спенсера поползла струйка холодного пота. И как-то сразу

«Доктор Гриффин, какая же ты сволочь! Найду – прибую нахер, – собравшись, подумал агент, и приготовился быстро двигаться, много говорить, и, возможно, даже немножко убивать. – Скотина безрогая, с преступлением без срока давности. Ур-рою!»

До зала перехода было далеко.

Глава 14

– Как ты думаешь, парень справится?

– Да. Он не так плох, как кажется на первый взгляд.

– Раздолбай... В голове одни игрища и развлекушечки.

– Именно потому я и считаю, что он – справится. Для него это будет игрой, с полным эффектом присутствия и ощутимыми достижениями...

– Мне, честно, наплевать на его ощущения. Предыдущие кандидаты не находили ничего.

– Кроме Альфа. Помнишь его? Сморчок, торчок, без дозы не мог даже в туалет сходить – а три дыры нашёл...

– Угу. И загнулся на последней.

– Не загнулся. Мы не нашли трупа.

– Загнулся, поверь моему опыту. Потеряв столько крови, человек не выживет. Я выдел подобное.

– Кардагар?

– Иди в жопу, тыловая крыса!

– Ладно, ладно. Не злись. Оформляй молодёжь, выдавай ему сбрую, и пусть идёт на патрулирование. Да, и не забудь повесить ему «аптечку».

– На кой, извини, хрен?

– Можешь хоть на хрен, мне без разницы. Там экспериментальный препарат...

– Слушай, Герних, тебе когда-нибудь говорили, что ты

скотина?

– Да, Матиаш. Постоянно. Но я – умная скотина...

Андреас стоял перед обшарпанной дверью с плохо различимой надписью: «Исследовательский центр...», и глупо улыбался. Он до конца так и не понял, что изучали эти яйцеголовые, с унылыми рожами втиравшие ему всякую пургу целую неделю. Но в кармане хрустели новенькие бурли, целых пять тысяч, и это очень повышало настроение. Следующую неделю можно было прожить, ни в чём себе не отказывая – оплатить доступ к «Властелинам Бури», где вышло новое дополнение, и обновить прошивку на игровом железе. А, и ещё отдать долги Маху Плотному. Тот утверждал, что уже набежало почти полторы тысячи, но Андреас не стал проверять.

Он нашёл деньги, и это главное.

Завтра он заработает ещё. Может быть, хватит на новый «Максимус 9700», но это только мечты...

– Так, парень... – лысый мужик в сером халате, напоминавшем по покрою мундир, критически осмотрел Андреаса с ног до головы, и хмыкнул. Но продолжил мягким голосом, чуть подтягивая гласные, словно был уроженцем столицы: – Вот железо, вот комп, вот очки дополненной реальности, вот гарнитура для связи. Комп включаешь, он находит девайсы, и после этого ты к нему прикасаешься, только чтобы посмот-

реть карту. А, и ещё аптечка. Затянешь ремень на предплечье, коробку – зубцами к коже. Если вдруг станет плохо, или потребуется взбодриться – она сама тебя уколет.

Андреас пожал плечами. Ему было фиолетово на все эти прибабахи, но на наркоту садиться не хотелось.

– Ширево? А не кучеряво для первого рабочего дня? – юноша позволил себе улыбнуться, и, подрагивая коленками от собственной смелости, взглянул в глаза лысому. – Сколько вмазок до ломки?

Глаза мужчины в сером халате потемнели, приобретя оттенок предгрозового неба.

– Сынок, ты слишком мало стоишь, чтобы тратить на тебя наркотики! – он сжал кулаки, и махнул рукой на горку оборудования и ремней. – Там стимуляторы и глюкоза, дурень... Пока ты на маршруте, тебе нельзя есть, только пить. Забыл инструктаж?

«Собаке своей поори, хрен лысый! – подумал Андреас, мысленно показывая мужику средний палец. – Ладно, стимулы так стимулы...»

– Окей, – произнёс он вслух, и потянул сбрую, неловко пытаясь затянуть пряжки. – И кто такое придумал?

– Давай помогу, – лысый тремя движениями застегнул ремни, и зафиксировал их. – Удобно?

– Может, ещё и попрыгать? – огрызнулся Андреас. – Удобно, блин.

– Был бы ты у меня в роте, и попрыгал бы, и парашют

уложил, и автомат вычистил... – нахмурился отошедший в сторону мужик. – После трёх нарядов вне очереди...

Андреас почувствовал интерес. «Так он военный! О, пля... Десантник? Но их же расформировали...»

– А вы военный, доктор? – спросил он, включая комп, мигнувший синим огоньком.

– Какой я тебе доктор... – ответил ему мужчина, присаживаясь за облезлый пластиковый стол, и зажигая большой монитор. – У тебя паршивая память, сынок. Меня зовут Матиаш Грей. Позывной «Свинец», и это вовсе не самец свиньи, как ты мог подумать.

Андреас тихонько хрюкнул, прикладывая аптечку к предплечью. Острые иглочки инъекторов кольнули кожу.

– Смешно, доктор Грей, – юноша поднял взгляд. – Потому что у меня похожий псевдоним в сети. «Свинцовый паровоз».

– Ты пока что только на дрезину тянешь, мелкий слишком, – пряча улыбку, отшутился Матиаш, но было видно, что ему приятно. – Что же касается службы... Да, было дело. Аэродесантные войска. Моя рота воевала в приграничье, в горах. Был там один паршивый городишко...

– Угу, – Андреас посмотрел на небольшой и тусклый экран компа. Там светилась едва прорисованная карта ближайших районов, на которой пульсировала тонкая красная линия. Были ещё какие-то точки, но после вчерашнего инструктажа в голове не осталось ничего – вечер в «Беседке

Альвараса» был долгий и очень, э-э, нетрезвый. – Готово. Карта загружена. Доктор Грей, а вы потом мне расскажете про войну?

– Дуй на маршрут, Дрезина, – Грей усмехнулся, выводя на экран карту. – У тебя сегодня маленький участок, часа на два. Вернёшься, и поговорим, если время будет.

Он отвернулся к монитору, показывая, что разговор окончен, и показал большим пальцем на дверь.

– Окей, доктор. – Андреас вздохнул, и натянул поверх «сбруи» тонкую куртку. Осень была тёплой, но ветерок с разлива иногда задувал очень бодрящий. «До глубины души, пля». – Ну, я пошёл?

– Топай, топай. – Грей водил по карте указателем, что-то записывая в файл. – Потом сразу ко мне.

Краткое досье.

Андреас Гнейес, псевдоним «Свинцовый паровоз», позывной «Дрезина». Возраст – 18 лет. Уроженец Северного Патербурга. Этническое происхождение – титульная нация, без примесей низших рас. Характер – мягкий, склонен к лени и праздности. Имеет сетевую и игровую зависимости. В связях с криминалитетом не замечен. В настоящее время – подопытный № 2258 лаборатории д-ра Каннингема.

В очках было немного непривычно. В отличие от дешёвых моделей, они имели оправу из биопластика, и словно приклеивались к коже, избавляя от ощущения давления и

неудобства. Но не это радовало Андреаса, совсем не это... Не было назойливой рекламы, не мигали социальные указатели, перед глазами не мельтешили сообщения из сети от всяких уродов. Прибор честно показывал картинку улицы в старом заводском районе, только изредка намекая неяркими указателями на чек-пойнт маршрута. Идеальное устройство с непонятными функциями.

Тяжелее обычных визоров в три раза, с массивным корпусом, напичканной электронной требухой неясного назначения.

«Не иначе, военные испытывают новые программы. Или очки и есть самое главное? – Андреас на ходу развлекался тем, что придумывал возможные объяснения своей новой работы. Бессмысленно, на первый взгляд – ходи себе по улицам, смотри через очки, делай пометки в маршруте, и получай пятьсот бурлей в день. – Но почему так много платят? И там ещё что-то было, насчёт премии...»

Неожиданно он остановился. Просто потому, что дальше идти не хотелось. Ноги не двигались.

Перед Гнейесом в воздухе что-то было. Полупрозрачное, почти неощутимое... Напоминавшее не до конца рассеявшийся туман, сгустившийся в большую линзу – чуть наклонённую под углом к земле, и уходящую в дасфальт...

Андреас, помотав головой, сдёрнул с лица очки. Гаджет тихонько заверещал, и в наушнике сразу же раздался недовольный рык лысого десантника:

– Ты что, с... скотина, делаешь? Надень девайс на место, и не шевелись, едрёна вошь тебе в выхлоп!

– Матиаш, Матиаш, тут хрень какая-то в воздухе... была... – Андресас недоверчиво покрутил головой, осматриваясь. Вроде бы что-то серебрилось перед ним, как паутинки, которые скоро понесёт ветер. Но при любом движении глаз это что-то исчезало, растворяясь. – Как будто пытаешься увидеть вчерашнюю галлюцинацию...

– Едрить тебя, надень очки, придурок! – Грей уже почти орал в микрофон. – Бегом, с-скотина недоношенная! И тыкай в сенсор на компе, идиот! Ты что, совсем безмозглый? Тебе же объясняли...

– Д-да, с-сейчас... – порядком струхнув, Андреас натянул визор. Биопластик стянул кожу на лбу, руку что-то кольнуло, но юноша не обратил на это внимания, всматриваясь в пространство перед собой. Смешно, но внутри билась мысль: «Пля, это же портал! А если оттуда вылезет бронированный шеед, как в „Нашествии из Зазеркалья“? Пля, я не хочу умирать от его укуса!»

Стеклянисто поблёскивавшие ниточки через очки смотрелись полноценным молочно-белым кругом, туманящимся по краям. «Он более плотный...»

– Что? – раздалось в наушнике, и Андреас понял, что сказал это вслух.

– Плотный он. Круг. В воздухе... Метра два в диаметре... – Гнейес судорожно ощупывал пластик корпуса компа,

пока не обнаружил кнопку. – Вот, смотрите!

Грей помолчал, а потом быстро спросил:

– Стимуляторы колот?

– Что? Да, что-то там такое было... – Андреас заморожено наблюдал, как туман перетекает в линзе. Что-то подобное, наверное, наблюдают космолетчики, когда смотрят с орбиты на циклоны, которые медленно ползут по планете...

– Понятно. Зафиксировал, Дрезина. Обойди точку, и двигай дальше. У тебя ещё маршрут...

– Ага. Да. Сейчас...

Ему жутко хотелось сунуть руку в этот туман, и посмотреть, что будет. Но осторожность и страх всё же победили любопытство, да и Грей, который наблюдал за ним через визор, тоже не способствовал... «Вернусь сюда ночью. Место приметное. – Подумал юноша, запоминая потрескавшийся кирпич фабричного корпуса, некрашенный столб энергосети, и разбитую плиту тротуара рядом с разобранным да станины грузовиком. – Пля... Может, они пришельцы? Да и хрен с ним. Что там, за порталом?»

С этими мыслями парень вернулся на маршрут, старательно обойдя молочный туман, и двинулся дальше. Андреасу было непонятно, почему он остановился, и не мог двинуться с места. «что за херня? Я их... Могу видеть? Порталы? Пля. Пля! Я крутой! – билось в сознании, и Гнейес чувствовал, как его пробирает дрожь, а по телу разливается тепло. – У меня есть суперсила!»

«Дурень ты, Дрезина... – думал экс-капитан Грей, следя за разбитым на прямоугольники экраном. Пацан хорошо шёл, и второй портал встретил уже увереннее, нанеся его на карту, и даже умудрившись правильно нажать на кнопку. Но Матиаш представлял, что творится в не отягощённой мозгами черепушке юноши, и мог ему только посочувствовать. – Сейчас ты думаешь, что уникален. Потом ты припрёшься ночью к первой точке, и, может быть, даже её найдёшь. Сунешь туда руку... И что? Вот именно. Ничего. Чтобы пройти сквозь дырку, надо нечто большее... Потом ты будешь нас шантажировать, угрожать раскрыть тайну Госдепартаменту, бандитам, или ещё кому. Потом сдашься, и будешь ходить по маршрутам, как собачка, гавкая на аномалии, и получая за это косточку в виде хрустящих купюр. А вот дальше... Дальше у тебя есть шанс. Не прогребь его, пожалуйста, сынок... Может, хотя бы ты найдёшь для нас лазейку к звёздам. Может, Герних найдёт, наконец, рецептуру своего варева...»

Глава 15

Бо знал Дале в совершенстве. Он мог пересечь город за столь короткое время, пользуясь различными ходами и проходами, что ни один патруль никогда не заставал Ваняски на месте его мелких преступлений.

Старые подвалы и брошенные склады оборудования, кладбища ржавой техники и утилизационные станции, жилые кварталы и помойки. Он знал всю подземную жизнь города, ориентируясь в переходах, как крыса, почти что по запаху и чужим меткам.

С помощью Бо доктор Гриффин оказался на месте своей прежней работы всего за четверть часа. Пролезая сквозь узкие технические коридоры, сдирая кожу на плечах, которые оказались шире, чем рассчитывал Бо, Гриффин раздумывал о той минуте, когда окажется в своих апартаментах.

Всё, чего так отчаянно жаждал доктор, это коктейль от похмелья, устраняющий последствия бурных возлияний накануне похода. Хеллер не дал Гриффину возможности полностью прийти в себя, истерически возопив о скорой смерти обожаемого племянника. Гриффин только буркнул что-то о нервных содомитах, но послушно кивнул, соглашаясь отправиться за своими вещами немедленно.

С одной стороны, это было и в его интересах, поскорее разделаться с проблемой багажа. С другой... с другой сто-

роны, тащиться обратно, вполне ожидаемо встречая у ворот клиники засаду из контролёров, он вовсе не жаждал.

– Всё. Дальше я не пойду, – сказал Бо, усаживаясь на влажный пол. Тонкая, хлипкая на ощупь, лесенка из потемневшего сплава уходила вверх, к неприметному люку в потолке.

– Можно и я не пойду? – потирая ссадины на костлявых плечах, спросил Гриффин. Ваняски взглянул на него в свете тонкой трубочки химического фонарика, придающего лицу рыжего провожатого вид несвежего мертвеца.

– В смысле? – моргнул Бо своими круглыми совиными глазами, уставившись на Гриффина. – Ты же сюда за шмотками шёл.

– А ты зачем сюда шёл?

Бо кашлянул от недоумения, дважды моргнул, становясь похожим на кустовую сову-призрака, пугающую свою добычу из засады огромными фосфоресцирующими глазами.

– Слушай, Док, это не я, а ты заминировал проход после того памятного раза...

– После того, как ты влез ко мне, обшарил мои вещи, получил два заряда парализатора из автоматической пушки охранной системы и обделался на полу, хотел ты сказать?

Бо засопел и напыжился, как карликовый пикс-терьер, собирающийся навалить кучу на полу в гостиной.

– Короче, Док, тебе надо – ты и лезь туда, – резюмировал он, демонстративно начав ковыряться в носу указательным

пальцем. Какое-то время Гриффин наблюдал за действиями напарника, а потом поднялся на ноги, хлопнул его по плечу и сказал:

– Да ладно тебе, Бо. Никакого заряда там нет. Я пошутил тогда.

Ваняски замер с пальцем в ноздре, а на его лице отразились такие детские обида и негодование, что Гриффин почти поверил: вот сейчас рыжий неуч закатит в подземном коридоре самую настоящую младенческую истерику о не купленной игрушке.

– Ты... Ты, ты, ты! – вскочил Бо, вытаскивая из носа палец и потрясая им перед лицом Гриффина. – Это же нечестно! – он топнул ногой, подняв вялую кучку грязной пыли и влажных брызг.

– Ага, а влезать ко мне в кабинет по ночам? Это честно?

Ваняски сдулся и опустил узкие плечи, понурившись. По стенам коридора расползались отсветы от фонарика, переливаясь радужными всполохами по наросшему на стенах многоцветному мху. Где-то вдалеке слышались приглушённые звуки капающей с потолка воды, крысиный писк и невнятное шуршание.

– Ладно, Бо, не обижайся, – примирительно сказал Гриффин. – Скажи лучше, ты чего в тот раз хотел найти-то?

– Да я сам не знаю, – растерянно сказал Бо, пожав плечами.

Он сделал пару шагов из стороны в сторону, сунув руки в

глубокие карманы широких штанов.

– Имя хотел себе сделать, – признался Ваняски наконец после целой минуты молчания. – Думал, вот влезу к тебе, местной легенде, так сказать, а потом уже никто не сможет мне тыкать, что я бесполезный прыщ в своём обществе. Ну, вроде как, доказать всем, что на меня можно положиться, что я не гнусь подкустовая, прославиться таким деянием, вроде как...

Гриффин тяжело вздохнул.

– Ну ты же Гриффин! – запальчиво сказал Бо. – К тебе даже правительство ходит за помощью, военные там всякие, у тебя должны были быть какие-то секреты. Мало ли, о чём говорят перед смертью крутые люди города. Я думал найти какие-то записи, следы, что-то такое, – он неопределённо покрутил руками в воздухе, едва не съездив по носу доктору, стоящему рядом с ним.

– Бо, ты debil? – спросил Гриффин устало. – Ну вот ты сам подумай. Даже если бы всё было именно так, как ты говоришь, разве я стал бы записывать последние слова тех, кто при жизни мог открутить голову половине континента? Да ещё и хранить это в кабинете, оставляя его на ночь под охраной. Я доктор, был им, во всяком случае, – буркнул Гриффин мрачно. – Если бы у меня каждый день кто-то умирал на столе, ко мне бы не обращались так часто и такие люди. Смерть – это редкость. Это плевок в лицо врачу, кем бы он ни был в жизни. А самоутверждаться за счёт взлома и во-

ровства может только исключительный клинический дебил. Ты бы ещё за счёт мастурбации в городском парке решил с женщинами знакомиться.

– Это не одно и то же! – взвился Бо, подступая к напарнику.

– Да? – злым холодным голосом осведомился Док, презрительно поглядывая на Бо. – А разве тратить свою жизнь на поиски уважения среди старых убийц и воров это не то же самое, что открыто признаться в своей сексуальной несостоятельности? Ты идёшь в парк показывать свою пипку, говоря всем о том, что ты извращенец-одиночка, которому не дают даже шлюхи. Или ты идёшь и тратишь юность и молодость на то, чтобы показать остальным ублюдкам, что ты такой же крутой ублюдок и отрывка общества, которому не дают даже городские власти? Не дают образования, билета в иную жизнь, прав и обязанностей.

Ваняски коротко размахнулся и попытался врезать кулаком по лицу Гриффину, нанося удар снизу вверх и справа налево. Док легко отшатнулся, ударившись затылком о стену прохода, но перехватил кисть Ваняски, хитро заламывая её под углом. Бо застонал, пытаясь вырваться и ухватить Гриффина второй рукой.

– Не дёргайся, сломаю запястье, – бросил Док напарнику. – И поверь мне, эти переломы одни из самых сложных. Воровать так же ловко ты уже точно не сможешь.

Бо засопел, но обмяк.

– Ладно, пустое это сейчас, – буркнул Бо, постукивая свободной ладонью по стенке коридора. Гриффин медленно разжал пальцы, выпуская запястье из захвата.

– Забыли. Я тогда пойду за своими вещами. А ты можешь присоединиться. Выбор за тобой, Бо.

Доктор взялся за тонкие поручни лесенки, ведущей к люку в своём бывшем кабинете...

Вряд ли он смог бы объяснить, что случилось. Интуиция, инстинкт, предчувствие – неважно. Важным было только одно: Гриффин понял, что он не один в своём кабинете. Едва он выбрался наружу из крошечного технического люка внутри своей обители, как обострённые чувства отправили сигнал опасности в мозг.

– Спокойно и медленно подойди сюда, – услышал он незнакомый голос. И что-то подсказывало Гриффину, что это не один из служаек Корпуса правительства, и даже не Инквизитор внешнего сектора. По спине доктора пробежал давно забытый, но такой ожидаемый все эти годы холодок.

«Вот тебя и нашли, – мелькнуло в голове, – ты этого боялся? Не бойся, оно случилось. И теперь ты бесстрашен, тебе нечего больше бояться».

Доктор медленно повернулся на голос, поднял руки и пошёл к незнакомцу.

Спенсер всеми силами старался придать своему лицу безразличное выражение, а голосу добавить уверенного звуча-

ния. Оказавшись на рабочем месте предполагаемого объекта поиска, он первым делом собрал биологический материал, чтобы подтвердить или опровергнуть совпадения.

Старое изображение Льюиса Джероми Гриффина в его бытность сотрудником Корпорации сильно отличалось от файла местного изъятия. Нынешний Гриффин оказался не таким холёным, уверенным человеком со взглядом профессионала. Он был более худым, истрёпанным, и словно более блеклым. Тёмные некогда волосы стали теперь пепельного оттенка из-за появившейся седины. Длинные волосы сменила короткая стрижка на затылке и макушке, и лишь две пряди чёлки, свисавшие до подбородка, напоминали о страсти доктора к длинным ухоженным волосам.

Из его взгляда исчезла уверенность и сила, уступив место усталости и искрам безумия человека, который не дорожит ничем, включая свою жизнь.

Спенсер впервые за долгое время понял, что почти бессилён перед Гриффином. У агента Корпорации не было рычагов влияния на доктора. Льюис ничего не боялся, ничем не дорожил и не имел никаких личных привязанностей в жизни. У таких людей не бывает друзей, женщин, детей или домашних животных. Они не ценят себя, своё существование, общемировой порядок и благополучие иных граждан вокруг. Они свободны, опасны и неуправляемы.

Да, именно неуправляемость Гриффина настолько выбивала из колеи Спенсера, что тот полагался исключительно на

фактор внезапности.

Действовать надо было быстро, пока Гриффин не понял, что может просто повернуться и уйти вон. В стандартной ситуации, если бы Льюис был простым заданием Спенсера, тот просто стёр бы его в прах, или предоставил Корпорации тело. Но здесь ситуация осложнялась тем, что самому Спенсеру было что-то нужно именно от совершенно неконтролируемого им человека.

«И как я должен его заставить всё мне рассказать? Если это действительно тот самый Гриффин, сумевший ускользнуть от Корпорации, то единственное, что я в силах предпринять, умолять его, стоя на коленях».

Но для Спенсера это было уже слишком. Хотя...

– Я не принимаю, я в отпуске, – сказал Гриффин, приблизившись к Спенсеру. Беглец узнал, кто стоит перед ним. И агент знал, что Гриффин знает это. Они оба понимали, кто есть такие друг перед другом, и оба ничего не могли сделать.

Напылённый на глазное яблоко Спенсера nano-экран выдал заключение о соответствии запрошенных и введённых данных:

«Доктор Льюис Джероми Гриффин. Заданные образцы не соответствуют предоставленному материалу. Попробуйте загрузить новые образцы и повторить операцию».

Спенсер подавил желание смять в ладони все эти тупые бесполезные наны, безрезультатно плавающие в его крови. Он видел старое фото из личного дела. Он едва не умер, до-

бывая биологические образцы и ДНК сотрудника с таким именем, как Гриффин. Он видел соответствия своими глазами. Но умная машина, проанализировавшая материалы, собранные в кабинете доктора, и загруженные в неё до этого, не видела сходства, упорно убеждая Спенсера в различии сравниваемых объектов.

– Ты знаешь, кто я, и знаешь, зачем я пришёл, – высказался Спенсер, внимательно следя за реакцией доктора перед ним. Через плотные занавеси в кабинет почти не проникал свет уличных источников, но в кабинете сработала система подготовки, залив помещения тусклым свечением, когда Гриффин появился внутри. А вот на Спенсера система безопасности и подготовки не отреагировала...

– Ты меня ни с кем не путаешь? Я просто доктор. Ожоги, переломы, сбор конечностей по вашему индивидуальному заказу. Но я уже сказал, что я в отпуске. Запишись на приём...

Гриффин понимал – времени у него нет. И даже если он моментально избавится от непрошенного гостя, у которого, наверняка, в крови под завязку последних модификаций нанов, то времени забрать своё барахло уже нет. Через пару минут в двери должны постучаться корпусники, у которых внезапно появилось множество вопросов к доктору.

– Док, у тебя проблемы, – раздался за спиной Гриффина голос Бо Ваняски. – Тут за нами по коридорам крысы бегут...

Он осёкся, увидев гостя напротив. Спенсер нехорошо оскалился, бросив быстрый хищный взгляд на рыжего спутника Гриффина.

– Игры кончились, Док, – пафосно сказал Спенсер. – Тебе не выйти отсюда, тем более, с твоим оборудованием, которое я проверил и убедился, что оно маркировано Корпорацией. Мне нужны от тебя некие сведения о себе, а тебе нужен я, чтобы уйти отсюда.

Бо замер, предпочитая лишний раз не отвечивать своей персоной. Шестое чувство вора сработало, осадив пыл и накал. Ваняски понимал, что перед ним столкнулись очень старые противники. Во всяком случае, это явно были люди, у которых было общее прошлое.

А вот реакция на угрозы Гриффина поразила и Бо, и Спенсера. Доктор опустил руки и расхохотался в голос, хлопывая себя по ногам.

– И что ты мне сделаешь, пёс? – отсмеявшись, спросил он. – Убьёшь? Вперёд, сделаешь одолжение, уж поверь. Тоже мне, развёл тут пафос-хуяфос.

Доктор Льюис Джероми взглянул в лицо агента Корпорации с каким-то безумным огоньком в светлых глазах. Он криво улыбался, немного оскалившись, словно зверь, загнанный в угол.

– Ну, давай, – тихо, почти ласково, с просительными нотками в голосе начал он, – давай, спусти курок. Или как вы там сейчас стираете людей? Чего тебе это стоит? Один шел-

чок пальцами, взгляд, кивок головой. Сделай мне одолжение, сотри меня. Чего ты ждёшь? Ты же за этим пришёл? Угрожать мне смертью? А вот оно как выходит, мил человек. Срать мне на жизнь. И на смерть срать, и на твою Корпорацию тоже срать дважды. Что ты можешь мне сделать? Только убить, а может, я этого и хочу? Давай, не тяни презерватив за колечко, всё равно не раскроется. Вот так-то, агент-хуент. Похеру мне на твои угрозы.

В какой-то момент Бо поймал себя на том, что закрыл глаза и закусил губу. Он, конечно, видел не мало трупов за свою жизнь, да и порезанное на кусочки тело его сестры, найденное на улице как-то рано по утру, до сих пор вызывало у Бо приступы тошноты. Но Ваняски ещё ни разу не приходилось присутствовать лично при таких действиях, как отъём жизни у населения.

– Срать, говоришь? – сощурился Спенсер. – Тогда зачем сюда вернулся? За своими аппаратами? А зачем они тебе? – продолжал размышлять он вслух. – А затем, что ты собрался свалить с планеты. А так как нанов в тебе давно нет, то путь у тебя один – угнать корабль, на который ты и хотел загрузить все свои примочки. Было бы так сильно срать на Корпорацию, не бегал бы от неё столько лет. Или иди и пори на улице. Кажется, за тобой там уже пришли, Док.

Гриффин молча смотрел на Спенсера. Он понял, как именно попал сюда агент. Он прошёл через портал. А это значило только одно: Гриффину нужен был этот агент, а

агенту за каким-то хером был нужен Гриффин.

– Меня зовут Спенсер, и я хочу обратно свою память, доктор Льюис, – будто прочитав его мысли, сказал агент. – Кажется, мы нужны друг другу. Я помогу тебе, ты поможешь мне.

– Тогда ты потащишь автохирург, – неожиданно легко согласился Гриффин. – Это полевая модель, разборная. Бо, идёшь со мной, я соберу сумку.

Льюис Джероми Гриффин молча прошёл мимо Спенсера, задев того плечом.

– Я не потащу один эту гробину! – запоздало возмутился Спенсер, созерцая полевой автохирург с маркировкой Корпорации на крышке. – Ты охренел?

– Да, и уже давно, – крикнул Док из дальней комнаты, громяхая приборами и оборудованием. – Без него не пойду.

Спенсер подавил совершенно неконтролируемое желание упихать в этот гроб самого доктора. Желательно, по частям. Желательно, по очень маленьким частям...

Доктор Гриффин, с вами говорит начальник службы контроля Корпуса, инквизитор внешнего сектора Патрик Вуниш. Пожалуйста, опуститесь на землю и сложите за головой руки. В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь на поражение...

Патрик, ты не первый за сегодня со своим предложением! Крикнул Гриффин, стоя в ярком луче прожектора на крыль-

це клиники. На боку у него висела большая сумка, за спиной виднелся тяжёлый и доверху набитый рюкзак с медицинскими принадлежностями. Рядом стоял постоянно моргающий, как сонная сова, Бо, придерживая поставленный на ребро автохирург – святая святых доктора Гриффина, снискавшего себе славу волшебника именно за счёт этого приспособления.

– Доктор Гриффин, не делайте глупостей! – снова послышался усиленный приборами связи голос Патрика Вуниша. – Вы находитесь под наблюдением службы контроля Корпуса за угон транспортного средства, побег из следственного отдела и смерть майора Вандершанца.

– А ничего, что я этому майору жизнь спасал? – осведомился Гриффин. – У меня под дверью стоял его отряд во главе с капралом Мак Лифом.

– Доктор Гриффин, не усложняйте ситуацию. Мы должны задать вам несколько вопросов. Но если вы забыли, то капрал Мак Лиф лично пытался помешать вам добить раненого майора Вандершанца, которого доставили к вам на перевязку после стандартного патрулирования.

Гриффин только кивнул. Из слов Патрика Вуниша, главы службы контроля, а в просторечье Инквизиции Корпуса, следовало, что это не капрал умолял спасти майора, разочарованно поглядывая на Гриффина, когда тот не пожелал нужным рассказать в подробностях о последних словах умирающего офицера. Это не Мак Лиф забирал тело майора

после того, как вернулся на следующий день за останками к Гриффину. А следовало то, что несколько дней назад доктор Гриффин, следуя своим личным, непонятным окружающим индивидам, причинам просто взял и убил раненого пациента, напал на Мак Лифа, да ещё и уничтожил тело Вандершанца, после чего, как виделось самому Гриффину, хоча убежал в закат, где и напился, чтобы на утро явиться на работу, откуда его в первый раз и транспортировали в силовых наручниках до следственного изолятора.

Спенсер слышал весь разговор. Он понимал, зачем Гриффин вступил в дискуссию с неким Вунишем. Льюис давал агенту время, о котором тот просил его, когда они обсуждали план.

Когда Корпорация только посетила эту планету, она, естественно, нашла все ключевые точки своим оборудованием слежения, сбора информации и безопасности. За время отсутствия агентов Корпорации на планете в целом, и в Дале в частности, многое устарело и вышло из строя. Всё-таки, даже новейшие технологии нуждаются в уходе и обслуживании, не говоря уже о постоянных вливаниях нового программного обеспечения и умных нанов в узлы координации действий приборов.

Но кое-что ещё осталось. Об этом забыли нынешние жители города, об этом давно уже забыла сама Корпорация, выпотрошившая планету и бросившая её пустое тело на обочине, но Спенсер смог оживить информационную базу дан-

ных, которая помимо личных дел и досье на жителей Дале предоставила и обязательный пакет карт с пометками о расположении огневых точек на контрольных узлах по периметру города и за его пределами.

Визуальный нано-экран на глазных яблоках агента мигнул развернувшейся картой готовых к работе автоматических пушек со звуковыми и энергетическими импульсами.

Спенсер занёс в базу пометки о найденных целях, тут же подсветившихся красным, и отдал приказ уничтожить объекты.

С крыши клиники, на крыльце которой и стояли Бо и Гриффин, послышался жуткий скрежет медленно открываемых задвижек и распахивающихся вверх лепестков шахт.

– Уходите отсюда! – закричал Гриффин. – Радиус действия не так велик! Вуниш, уводи своих людей, пока они не сдохли!

– Доктор Гриффин, угрожать это не в ваших интересах... – раздался скептический голос Вуниша.

– Да вали ты отсюда, чёртов имбецил! – заорал Гриффин, опускаясь на колени и зажимая руками уши. – Это автоматическая система наведения, у вас нет другого шанса!

– О чём вы говорите, доктор...

Первый залп почти бесшумного оружия оборвал голос Вуниша. Со всех сторон послышались крики и стоны раненых. С крыши клиники продолжали посвистывать звуковые разряды, разрывающие плоть и обесточивающие всю электро-

нику в заданном радиусе.

Доктор Гриффин закрыл лицо руками. Крики и стоны отодвинулись на задний план, в голове доктора стали всплывать совсем иные картины из почти забытого прошлого, так некстати вернувшегося именно сегодня.

– Нет-нет-нет, пожалуйста, перестаньте... – шептал Гриффин с закрытыми глазами. – Я согласен, согласен на вас работать...

– Док, эй, Док! Да очнись ты!

Гриффин понял, что кто-то уже давно трясёт его за плечи. Он открыл глаза и отнял от лица побелевшие от напряжения ладони. На щеках и на лбу у него остались красные царапины от своих же ногтей. Осмотревшись, Льюис понял, что перед ним стоит Бо, который и тряс его за плечи. Впереди он заметил лежащие тут и там тела солдат Корпуса, походившие сейчас на сломанные окровавленные куклы какого-то особенно злого ребёнка-садиста. Рядом из автохирурга с трудом выбирался Спенсер.

– Надо же, старое, а работает, – пробормотал он, отряхиваясь и становясь рядом с Ваняски.

– Узнаю Корпорацию, – мёртвым голосом произнёс Гриффин, поднимаясь на ноги. – И её наночированных выблядков, вроде тебя, узнаю, – зло прошептал он, глядя на Спенсера.

– А был выбор? – брезгливо осведомился агент, осматриваясь по сторонам. Гриффин размахнулся и врезал Спенсе-

ру кулаком в челюсть. Агент устоял, но пошатнулся, охнув и схватившись рукой за подбородок.

– Выбор есть всегда, сучья ты порода, – сказал Гриффин, потирая кулак. – Теперь ты понимаешь, почему я ушёл? Я этот выбор сделал.

– Так помоги и мне, придурок! – прошипел Спенсер, готовый в любой момент ответить на удар доктора усиленным нанами приёмом давления на зубы с помощью кулака. – Чтобы больше такого не повторялось.

– Пошёл на хер, говна кусок, – огрызнулся Льюис. – Эта фраза на меня больше не действует. Думаешь, снова поймать меня на том же, что и агенты до тебя? Меня так уже вербовали, хватит. Я знаю, что это никогда не кончится. Можно просто не иметь отношения к такому, но изменить что-то невозможно.

Льюис Джероми Гриффин поправил лямки рюкзака, подтянул ремень сумки на плече и зашагал прочь, проходя мимо разбросанных тут и там тел, как проходил бы незримый ангел смерти по полю брани, собирая и встряхивая души, чтобы потом провожать их в тёмное царство смерти.

И в голове у бывшего доктора билась только одна мысль: «Почему не я? Почему же снова не я?»

Глава 16

Костёр пылал ярко-зелёным пламенем, треща и плюясь изумрудными огоньками. Эфирные масла местных вечно сухих растений горели весело, распространяя в воздухе ароматы изысканных духов, горелых тряпок и какой-то непередаваемой мерзости.

– Сколько можно нюхать эту вонь! – пробурчал, прикрывая лицо платком, Гриффин. – Можно подумать, что сжигают инопланетную гиену, которая посетила салон красоты «Пять Звёзд»...

Спенсер подкинул в огонь ещё кустарника, и вздохнул. Ему-то запах не мешал, носовые фильтры были свежими. Но для поддержания разговора добавил:

– Не нравится – можешь пробежаться по ночной пустыне до следующего портала. Согреешься. Если не засосут зыбучие пески или не съедят местные варанотушканчики... А, совсем забыл, ты же не можешь ходить сквозь дыры...

– Дыры-хуиры... – док плюнул в костёр, приподняв импровизированную маску, и укутался в термоизолирующую плёнку. – Святые мощи, как же холодно...

Ваняски пошевелился в спальном мешке, смачно испустив газы. Пацану явно снились кошмары.

– Надеюсь, он не обгадится, – ухмыльнулся Спенсер, шевеля золу веткой. – Спальный мешок у нас один, а ночи здесь

длинные...

Гриффин промолчал. Ему было противно – не из-за физиологических особенностей спящих бандюков, или холодных ночей в пустыне иного мира. Нет, доктору было просто хреново. Хотелось разбить улыбающуюся физиономию агента, и зажарить его на медленном огне до хрустящей корочки. «Бежать, всё время бежать, потом забиться в норку, переждать... А зачем? Чтобы снова пуститься в бега? Да ещё и любоваться довольной лоснящейся физиономией этого псевдоинтеллектуального недоучки, строящего из себя нечто среднее между профессором и Капитаном Индией... Да ну это всё, извините, в анус...» – доктор содрогнулся от этих мыслей.

– Ну, раз нам ещё четыре часа куковать до освобождения спального места, – подмигнул Спенсер, откинувшийся на трещащую кучу веток, – то, может, поговорим?

Выслушав презрительное молчание, он хмыкнул, и прикоснулся кончиком пальца к губам:

– Интересно, почему за тобой все охотятся? – блеснувшие в отблесках костра глаза Гриффина подсказали агенту, что он на верном пути. – Ты такой незаменимый, доктор... Всем нужен, все за тобой бегают, всем нужна помощь.

Спенсер доверительно улыбнулся.

Гриффин снова промолчал, издав какое-то бурчание, и шелестнув термоодеялом. Где-то за барханами, вдалеке от импровизированного лагеря, раздавались вопли местных

тушканчиков, которые то ли жрали друг друга, то ли любили, то ли совмещали эти два полезных занятия.

«Едрёна вошь, ты непробиваемый, что ли? – подумал Спенсер, начиная злиться на себя и на своего собеседника. Агент никогда не любил этих душеспасительных разговоров один на один, в отличие от выступлений перед аудиторией. Но здешняя сцена была бедна на зрителей: огромная луна, карабкающаяся на небосвод с запада, одинокий костёр, смотрящий бешеным бобром Гриффин, спящий Бо и тушканы, резвящиеся за дюнами. – Дьявол, как бы тебя зацепить-то...»

Но доктор спутал ему все карты, откашлявшись, и сплюнув в исторгнувший ещё более изысканные ароматы костёр:

– С каких это пор верному псу Корпорации интересно, кто я? Вы, одноклеточные, умеете только выслеживать и уничтожать...

Спенсер с трудом подавил вспыхнувший внутри гнев, и медленно ответил:

– С тех самых пор, как пёс, едрёна вошь, понял, что он неполноценен. И кто-то оттяпал у него большой кусок памяти. В которой было вообще всё. Я даже не помню, как звучит моё настоящее имя!

Доктор снова блеснул глазами, и хрустнул суставами.

– Я сейчас расплачусь... С чего ты взял, что я – тот, кто тебя стирал? – в неверных ответах костра лицо Льюиса напоминало гротескную маску, одновременно издевательски

ухмыляющуюся, и грустную. – Я – обычный врач. Да, в бегах. Но, может, это из-за наркоты, которую я крал в местной больничке... Или из-за органов, которые я вырезал свежим покойничкам, пока они не протухли, и продавал на чёрном рынке? Не знаю, всё такое вкусное...

Спенсер вздохнул. Ему не давала покоя несходимость информации из базы данных с результатами экспресс-анализа ДНК подозреваемого... «Тьфу ты, пакость... Какой он, в жопу, подозреваемый, Спенс? – спросил он сам у себя, выводя на наноэкраны, напылённые на поверхность глазного яблока, результаты сканирования биоматериала. – Он, сука хитрожолая, теперь твой подельник и соучастник преступления...» В том, что Корпорация не оставит без ответа несанкционированное использование своего оборудования, агент не сомневался. Да и получение секретной информации с последующим побегом и уничтожением нескольких сотрудников, несомненно, легло несмываемым пятном на личное дело Спенсера. Теперь ему оставались только окраинные Линии и лежащие в глубокой невероятности Параллели с неустойчивыми точками перехода. Любой более-менее развитый мир, включённый в Сеть, означал быструю и фактически неотвратимую гибель от рук местных сил правопорядка, или охотников Службы. Учитывая, что запасы нанов не бесконечны, а каждый переход жрёт их, как кролики – сено, нужно было двигаться как можно быстрее.

Результаты снова не сошлись, и Спенсер раздражённо

смел взглядом открытые окна в трей.

– Красиво говорить и придумывать мы тут все умеем, док. Но что-то мне не верится, что специалист твоего уровня опустился бы до наркоты или торговли «мясом». Ты скорее набухаешься в хлам, или бесплатно вылечишь какого-нибудь бездомного бродягу, чем пойдёшь на нарушение закона... А маркировка на твоём замечательном автохирурге, кстати, очень красноречиво говорит сама за себя. Собственность Корпорации. Устаревшая, но работоспособная.

– Хм... Знаешь, есть такая штука, «космический корабль» называется. Так вот, они иногда падают. И на месте крушения можно обнаружить что-нибудь полезное для скромного доктора... – Гриффин сжал кулаки, потом разжал, и пристально посмотрел на агента. – Для нарушения закона тут есть ты. Пёсик с длинной шелковистой шёрсткой и умильной мордочкой, который решил, что имеет право жить обычной жизнью, а не служить за миску корма и осознание причастности к великому делу...

– А разве это не так? – Спенсер, внутренне дёрнувшись, постарался остаться бесстрастным внешне. – Многие сотни миров, варианты их развития, новые технологии и идеи. Торговля. Культурный обмен...

– Обмен-хуен... Рано или поздно понимаешь, что тебя гнусно и цинично обманули. Забрали всё, выдали ошейник, и сказали: «фас!» А там, снаружи, живут люди – любят, смеются, рожают детей, строят дома, выращивают цветы... –

Гриффин прикрыл глаза, и тихонько вздохнул. Его голос, немного смягчившийся, снова обрёл скрипучесть и силу. – Но ты посажен на цепь, и всё, что ты можешь – это служить. Исполнять свою функцию. Ебать гусей. Убивать преступников. Пришивать отрезанные в пылу сражений задницы. Исследовать миры. Торговать всякой пакостью. Величественно сношать мозги целым планетам и народам, приводя их в Сеть... Лишая их будущего!

Последние слова он почти прокричал, оскалившись. Жуткая гримаса держалась недолго, и медленно перетекла в отстранённость и безразличие, щедро приправленные усталостью. В спальном мешке зашевелился Бо, что-то простонав сквозь сон.

Спенсер не смог удержаться от ответного оскала. Внутри него сейчас боролись две правды – та, что ему дали при установке блока лояльности, и другая... странная, нелогичная. Которую ему рассказывал Инульгем, и вот сейчас – Гриффин. Впервые за очень долгий промежуток времени агент не знал, чему верить. Да, он преступил закон, он стал беглецом и изгоем – ради себя, ради мечты... «Разве есть что-то в этом мире, в этих мирах, что стоит такой цены? Сломанной жизни, разрушенной карьеры, потерянного бессмертия? – подумал Спенсер, и сам ответил себе: – Да. Есть. Свобода и память». Вслух же он проговорил:

– Но если Корпорация настолько жестока и несправедлива, док, почему мы ей служим... Служили?

– Не знаю... – Гриффин отвернулся. – Может, потому, что это была мечта?

– Хватит. Хватит, слышишь?! – Спенсер вскочил на ноги, взметнув в темноту обломки стеблей, и тыча пальцем в направлении Льюиса. – В жопу такие мечты!

Доктор, отбросив в сторону одеяло, тоже поднялся с песка, и, сутулясь, встал перед агентом. Худой, нескладный, седой... С запавшими глазами и морщинами на измождённом лице, он не стал размахивать руками. Гриффин просто стоял, и смотрел в глаза Спенсеру. Но во взгляде Льюиса горело такое пламя ярости и гнева, что агент устыдился своей вспышки, и медленно опустил руку.

– А где мы с тобой, по-твоему, находимся, пёс? – медленно, делая усилие над каждым словом, проговорил Гриффин, не отводя глаз. – Вокруг нас – самая настоящая, глубокая и беспросветная жопа... Ни тебе, ни мне не выжить в одиночку. В основные Линии ходу нет. У меня заканчивается время, у тебя – наны.

Спенсер отшатнулся, но мгновенно восстановил равновесие.

– Предлагаю сделку, – продолжил доктор, сжимая и разжимая кулаки. – Ты доводишь меня как можно дальше от границ Сети. Туда, куда Корпорация не доберётся ещё долго... Я отдаю тебе то, что тебе нужно. И мы расстаёмся навсегда, пёсик...

Агент ненадолго задумался. Слова доктора звучали впол-

не логично, и предложение было адекватным. «Память в обмен на несколько десятилетий свободной жизни... Дстойно» – подумал он, и ответил:

– Договорились. Пусть будет так. Но мне понадобится некоторое изменение маршрута...

– Чтобы пополнить запасы? – усмехнулся Гриффин, подбывая одеяло, и заворачиваясь в него. – Понимаю... Мой автхирург к твоим услугам. Беру недорого...

– Да пошёл ты... – устало ответил Спенсер, подкармливая костёр топливом. Потом он достал из полевого набора ещё одно одеяло, и подвинулся ближе к огню. – Доктор хренов...

«Надо бы поэкономнее расходовать наны, что ли... – подумал агент, отключая искусственную терморегуляцию. Укусы неожиданно холодного ветерка заставили его завернуться в серебристую плёнку чуть ли не с головой. – Черт его знает, когда теперь получится их восполнить...

Доктор хмыкнул в ответ что-то вроде «хренов-хуенов», и уставился в пламя.

До рассвета оставалось десять часов.

Глава 17

Параллели кружились перед глазами, как сотни цветных стеклышек в детской игрушке, завораживая своими движениями, налепляясь друг на друга и смешиваясь в цветовой гамме.

Зелёные, синие, жёлтые... зелень параллели джунглей, где десятки разнопёрых цветастых птиц прыгают с ветки на ветку, оглашая пронзительными криками окрестности, проплывая над головой, сливаясь с огромным ковром цветов и растений. Безбрежная синева воздушных островов с высокими тонкими шпилями замков из невесомого пластика, блестящими иглами пронзающие бескрайние небеса повсюду, цепляющиеся за проплывающие мимо облака, как за хлопья мокрой ваты.

Желтизна невообразимых пустынь жаркой параллели, где золото песка легко становится бронзой, чтобы превратиться в светлую охру барханов и мелких каменистых участков столь же иссушенных и выщербленных скал на горизонте.

Белые водопады истории, впадающие в ультрамарин морского мира, параллели окраинного участка курортов и отдохновения. Коричневые пейзажи плодородных почв соседней ветки, щедро дарующей прочим свои прекрасные плоды фруктов и овощей, тучные стада рогатого скота, и чудесные нити тончайшего шерстяного полотна.

Параллель вечной зимы, трескучих под своим весом льдов, выбеленных до прозрачности пластов и нависающих снежных шапок. Параллель негостеприимной осени, чьи извечные дожди и хмурость дают то самое незабываемое чувство единения поэтам и художникам, решившимся прожить в этой бесконечной осенней тяготе дольше рекомендованного путеводителем срока.

Параллели сиесты и карнавала, войн и бедствий, тишины и темноты, звёздных лучей в кристаллах на потолках богатых усадеб и молочного света нескольких лун над ними.

Они кружились, мельтешили, звучали внутри него непередаваемой симфонией, склеивались между собой, перетекали друг в друга, проникая красками в соседние миры, в соседние участки памяти.

И вот уже он не стоит под дулом пистолета где-то на планете вечных войн, не ищет среди трупов ещё живых, но обречённых на смерть солдат. Он сидит в роскошном плетёном кресле на веранде деревянного дома, потягивая густое белое вино из высокого бокала, а рядом с ним, неразличимый в тенях ранних сумерек, притаился собеседник.

– Ты помнишь, когда сломался впервые? – спрашивает странно знакомый, но ни на что не похожий голос рядом.

– Ты знаешь, что да, – спокойно отзывается он, продолжая ощущать на губах терпкий вкус букета, собранного почти тридцать стандартных лет назад, чтобы сейчас усладить его желания каплями белого полусладкого вина.

– Надо же, а я вот уже забыл, – по-стариковски кряхтит собеседник, ворочаясь в кресле. – Помню только какой-то вой, песок и тусклые лучи, словно они тяготели прорваться сквозь адскую песчаную бурю ко мне.

Льюис Джероми Гриффин прикрыл глаза и с удовольствием втянул ноздрями запах приближающегося с востока дождя, обострившего яркие ноты сорта винограда, послужившего основой для непередаваемого купажа в его бокале.

Офицер сопротивления был толстым, хамоватым и тяжело дышащим мужчиной старше среднего возраста. По сравнению с ним Гриффин казался тощим ублюдком, только вчера выползшим из траншеи под городской свалкой. Офицер нависал над доктором эдаким сопящим и краснеющим овощем, то и дело вопрошая его о том, где располагаются его основные части.

Гриффин интуитивно понимал, что офицер хочет знать вовсе не о частях доктора, а об отрядах военных, с которыми тот пришёл, но вопрос про основные части самого Гриффина то и дело тоже всплывал на повестке дня.

– Твоя жизни дорогая? – с безумным каркающим акцентом местного населения вопрошал офицер, придвигая к Льюису своё потное рыло. – Тебе дорогая твоя жизнь, кхор?

Кхорами называли всех, кто пришёл ставить галочку в бумагах о включении этого мира в параллели Корпорации. На

жаргоне «кхор» значит «чужак». Местные жители сразу же поделились на два примерно равных лагеря. Одни смирились с высасыванием полезных ресурсов своего мира, вторые, такие как этот солдат, предпочли попытаться силой выставить непрошенных гостей вон.

Льюис устало посмотрел на офицера, стараясь поймать его взгляд, а потом согласно кивнул?:

– Да, дорогая моя жизнь. Можно неплохо навариться на ней, если будет кому продать.

– Тебе продать! – треснул мясистым кулаком по столу офицер. Лежащие в беспорядке бумаги и засаленные карты подпрыгнули, разлетаясь веером по липкому полу. Гриффин поёжился в наручниках. Руки, скованные за спинкой стула, на котором он сидел, давно затекли и потеряли чувствительность ниже запястий, но доктор то и дело пытался пошевелить пальцами, чтобы хоть как-то подстегнуть кровотока. Если он лишится рук, он будет обречён.

В комнату для допросов неожиданно втащили командира звена, к которому был прикреплён доктор Гриффин. Избитый до неузнаваемости командир щерился в оскале оставшимися зубами, вовсе не собираясь сдаваться.

– Твоя жизнь дороже его? – спросил офицер, приставив к голове пленного командира длинный ствол старого пулевого пистолета. – Ты просил одно желание. Говори, – ткнул он стволом в пленного командира.

– Свободу дашь? – хрипло осведомился тот, щерясь без-

зубым распухшим ртом.

– Дам, – кивнул офицер и нажал на курок. Месиво из крови, мозгов и костей бурыми пятнами осело на крашенных в тёмно-синий цвет стенах допросной.

– Ты свободен, командир, – прошептал Гриффин, не в силах отвести взгляд от медленно стекающих брызг на стене. Тело повалилось на бок, глухо ударившись расколотым черепом о ножку стола рядом с ним.

Льюис изловчился и сумел дотянуться щекой до плеча, утирая капли крови, моросью осевшие на его лице от выстрела крупнокалиберного пистолета. В кабинете повис пряный запах крови и пороха, перебивающий все остальные запахи давно немых тел, застарелого табака, страха, безнадёжности, обречённости и старых бумажных карт.

Гриффин с усилием отвёл взгляд от распростёршегося на полу тела командира, посмотрел в глаза ухмыляющемуся офицеру сопротивления и улыбнулся. Медленно, нерешительно, словно опасаясь, что спугнёт подступающее безумие в синих, как ночное море, глазах.

Синие стены в красных каплях, пронзительно-синие глаза доктора в красных каплях безумия. С лица отваливались тонкие корочки уже успевшей засохнуть кровавой маски, чешуйками падая на колени Гриффина.

– Свобода-хуёда, – оскалившись, прошипел Гриффин в лицо офицеру. – Дай мне свободу, белый господин.

– Тебе повезло, что тогда тебя успели вытащить отряды первой линии, – важно кивнул, причмокнув губами, невидимый собеседник, поставив свой бокал на столик рядом.

– Если бы мне повезло, я стал бы свободен, – пожал плечами Льюис.

– Разве ты сейчас несвободен? Ты же сумел это сделать, сумел сбежать от Корпорации, от нас, Гриффин. Как ты это сделал? Как обманул следящие поля, как вывел из крови наны до того, как они стали смертоносными убийцами, как ты ускользаешь от меня, чёртов Льюис Гриффин?! – сорвался он на крик.

– Чёртов Гриффин, чёртов ты доктор, мать твою, – орал рядом Спенсер, катаясь по земле. Льюис тряхнул головой, стараясь понять, что происходит и почему этот недобитый агент так адски орёт посреди ночи. Переход в первую же параллель дался Гриффину с огромным трудом. Он настолько отвык от прыжков, а его тело так давно не испытывало подобного, что он словил так называемый синдром перехода, больше всего напоминающий сильный приход от наркотических анальгетиков у чувствительных к препаратам этого рода людей. В голове заплесали стада оленей, мозг окутался вязкой медовой плёнкой, конечности отказались подчиняться командам центральной нервной системы, замкнув почти все каналы нейронной передачи на симпатические нервные окончания, и доктор Гриффин повалился на влажную

землю сразу же, как только Спенсер сбросил его с себя, как мерзкое насекомое. Симпатика посылала непрерывные ответы норадреналином на реалистичные видения доктора, провоцирующие выброс адреналина корой надпочечников.

Гриффин понятия не имел, сколько времени провалялся в таком состоянии, но сейчас, как он понимал, глядя на небо, близился рассвет. Или закат, и это уже какой-то там по счёту день его беспамятства? Крупные красноватые звёзды постепенно меркли, полоска горизонта медленно светлела, выпуская на волю заждавшееся солнце. Кругом было тепло и влажно, будто в джунглях, а пробирающийся под кожу стрёкот многочисленных насекомых наводил на мысль, что он и в самом деле где-то в одной из южных параллелей или даже в соседней линии.

– Заткнись, не ори, Асклепия ради, – кое-как прошептал Гриффин, ворочая во рту сухим языком и стараясь покрепче сдавить череп, раскалывающийся от непереносимой боли. Боль не унималась, пульсируя и нарастая, заставляя думать только о себе, отодвигая любые императивы, в том числе, и поход по естественным нуждам.

– Гриффин, мать твою, да сделай ты хоть что-то!

Доктор перевёл взгляд и увидел бледное испуганное лицо Ваняски. Бо стоял рядом, губы у него тряслись от страха, а тонкие паучьи пальцы то и дело сплетались между собой от нервного напряжения. Рыжий соучастник побега вовсе не страдал синдромом перехода, спал едва ли не крепче обыч-

ного и готов был жрать того больше.

– Да что хоть случилось-то? – выдавил Док, вставая и ковыляя к воющему на земле Спенсеру. Внезапно тот подскочил на ноги, обвёл всех присутствующих безумными круглыми глазами и ринулся прочь, не разбирая дороги. Подвывания и стоны агента заглушил треск ломающихся веток и шелест сорванных листьев, а через пару минут до Гриффина донёлся всплеск воды.

Док мог бы поклясться, что слышал и сдавленный стон облегчения, но в то же время допускал слуховые галлюцинации из-за своего нестабильного состояния.

– У него недельный запор прорвало? – мрачно поглядывая на рыжего Бо, осведомился Гриффин, привалившись к ближайшему стволу кольчатого дерева и разжёвывая сразу две пластины анальгетика. Ваняски только нерешительно пожал плечами. Но цепкий взгляд вора углядел кое-что на земле, рядом со спальным местом Спенсера.

– Док, тут хня какая-то, – высказался он, ковырнув пальцем непонятный предмет, поднятый с земли. Гриффин подошёл поближе, забрал из рук Бо странную штуковину и отошёл к своим вещам, начав ковыряться в объёмной походной сумке врача. Через некоторое время Льюис разложил перед собой небольшую установку, напомнившую Бо остекленелую змею-водянку, чьё тело может застывать в прозрачном виде на несколько минут.

Гриффин взял пробу из оставшихся капель из лично-

го инъектора Спенсера, брошенного им второпях прямо на землю, опустил их бережно в анализатор и нажал на кнопку активации. Приборы зажужжали, жадно впитывая препарат. На небольшом экранчике замельтешили ряды и столбцы цифр и буквенных сокращений.

Когда приборчик сыто ухнул, изрыгая результат, Гриффин уже улыбался от уха до уха. Прочитав заключение и убрав аппарат обратно в сумку, он задумчиво подбросил на ладони инъектор, хлопнул себя по ногам и радостно загоготал на всю округу, вспугнув стайку мелких серых птичек в соседних кустах.

– Меры-химеры, есть в жизни справедливость! – хлопнул он по плечу ничего не понимающего Бо и поспешил, насвистывая что-то радостное, в том направлении, в котором унёсся недавно Спенсер.

– Сидишь? – ехидно осведомился Гриффин, присаживаясь на берегу озерца из прозрачной воды. Невдалеке виднелись невысокие горные склоны, и что-то подсказывало доктору Гриффину, что водичка в этом озерке была весьма прохладной. Может быть, посиневшее лицо Спенсера, сидящего в ней по шею, а может быть, и карта местности с пометками и характеристиками, которую он просматривал на своём примитивном навигаторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.